

ЕВРИПИД

ГЕКУБА¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ПРИЗРАК ПОЛИДОРА²

Обитель мертвецов и мрачные врата
покинув, где Аид не видится с богами,
пришёл я, Полидор, сын дочери Киссея,³
Гекубы. Мой отец, Приам, когда грозило
копьё элладское разбить фригийский град,
напуганный, меня из Трои выслал тайно
в дом Полиместора, союзника-фракийца,⁴
который тучный дол херсонский⁵ засекает,⁶
над конелюбцами⁷ господствуя копьём.⁸
И много золота отец послал со мною,
чтоб, если свергнутся твердыни Илиона,
на жизнь хватило бы всем детям уцелевшим.⁹

---

¹ Правильнее по-гречески «Гекаба» (Εκάβη), однако в русском языке уже закрепилась латинизированная форма этого имени, «Гекуба» (Hecuba). Скрепя сердце следуя традиции, но оставляю всем желающим право заменить в моём переводе «Гекубу» на «Гекабу», если им этого хочется. «Гекуба» – одна из наиболее популярных трагедий Еврипида. Она была создана примерно в 424 году до н.э. и впервые поставлена, скорее всего, в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus I. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1984. 333-98. При работе над переводом были использованы в основном комментарии Хэдли (*The Hecuba of Euripides*. W.S. Hadley, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1923), Шеппарда (*Euripides. Hecuba. Partly in the Original and partly in Translation*. J.T. Sheppard, ed. Oxford: Clarendon Press, 1960. 1st ed. 1924) и Грегори (*Euripides: Hecuba*. J. Gregory, ed. American Philological Association. Textbook Series. Ruth Scodel, ed. No. 14. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1999). Перевод сверен с подстрочной английской версией Ковача: *Euripides. Andromache*. Edited and Translated by David Kovacs. Vol. II. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. 391-519.

² Полидор (Πολύδωρος) – троянский царевич, сын царя Приама и Гекубы. По одной из версий мифа, был отправлен Приамом с троянскими сокровищами к царю Херсонеса Фракийского Полиместору. Узнав о гибели Трои и желая завладеть сокровищами, Полиместор убил Полидора и выбросил его тело в море. Шеппард: «Этот знаменитый призрак является предком, через Сенеку, многих елизаветинских призраков, особенно отца Гамлета и жертв Ричарда III. Однако это не первая сцена с призраком в трагедии. В *Персах* [Эсхила – В.] Дарий вызывается [из мира мёртвых] с помощью восточных заклинаний. В *Эвменидах* [тоже Эсхила – В.] дух Клитемнестры пробуждает Фурий. В *Поликсене* Софокла тень Ахилла вышла из гробницы <...>. Призраки времён Сенеки и Елизаветы взывают о мщении. Дух Полидора ничего такого не просит. Просто он не может упокоиться в Аиде, пока не будет погребён».

³ Киссей (Κισσεύς) – царь Фракии, отец Гекубы.

⁴ Ξένος – человек, связанный узами взаимного гостеприимства.

⁵ Имеется в виду Херсонес Фракийский — древнее название полуострова и города на нём во Фракии (ныне полуостров Галлиполи в Турции).

⁶ Разумеется, не лично, а руками своих подданных.

⁷ Конелюбец (φίλλος) – фракийцы были знамениты своими конями.

⁸ Это подразумевает, что Полиместор не был избран народом, но захватил власть силой.

⁹ От своей первой жены Арисбы Приам имел одного сына, Эсака, от второй (Гекубы) сыновей Гектора, Париса (Александра), Деифоба, Гелена, Полидора и ещё пятерых, а также дочерей: Креусу, Лаодику, Поликсену, Кассандру, Илиону. Вместе с детьми от других женщин у него было 50 сыновей и 50 дочерей

Из Приамидов я юнейший, потому
и выслан был отцом. Доспехов не носил я
и детскою рукой не мог копьём сражаться.
Пока держался ряд каменьев пограничных,¹⁰
пока уцелевал троянских башен круг
и Гектор, брат родной, копьём успешно бился,
рос у фракийца я, приятеля отцова,
беспечно, как побег, себе же на несчастье.
Но только Гектор пал, и Троя в прах легла,
и уничтожен был очаг отца,¹¹ его же
пред главным алтарём, творением бессмертных,¹²
зарезал Ахиллид рукою кровожадной,¹³
я из-за золота, несчастный, был убит
союзником отца и в хлябь морскую брошен,
чтоб наше золото в его осталось доме.
То на песке лежу, то на волнах качаюсь,
с отливом убегу, с приливом возвращусь,¹⁴
без слёз, без похорон. Я к матери любимой,
Гекубе, прилетел, своё покинув тело,
и третий день уже над ней парю всечасно,
с тех пор как в Херсонес явилась мать моя,
многострадальная, из разорённой Трои.
Здесь и ахейцы все. Они, суда имея,
сидят в безмолвии на берегу фракийском,
ведь Пелеид Ахилл, над насыпью своей¹⁵
явившись, удержал всех воинов Эллады,

(или всего 50 детей). Сведения о количестве приамовых детей разнятся, однако ясно, что золота нужно было очень много, чтобы обеспечить достойную жизнь хотя бы нескольким из них.

¹⁰ Шеппард: «До тех пор, пока пограничные камни страны оставались стоять прямо, т.е. пока греки не опрокинули их в знак завершения своего завоевания. Как частные зёмли, так и государственные территории обычно имели пограничные камни, обозначающие пределы собственности и соответствующим образом надписанные, чтобы показать, кто являлся законным владельцем. Так, когда афинский царь Тесей завоевал мегарцев, он поставил на границе колонну, надписанную с ближней стороны: «Это Иония, не Пелопоннес», а с дальней стороны: «Это Пелопоннес, не Иония». Когда спартанцы отвоевали страну, они уничтожили этот камень. Подобным же образом греческие завоеватели не только сожгли Трою, но и систематически опрокидывали пограничные камни по всей троянской земле, чтобы показать, что земля больше не принадлежит своим прежним владельцам».

¹¹ Шеппард: «Очаг каждого греческого дома был священен, а разрушение царского очага символизирует полное падение Государства».

¹² Хэдли: «Посейдон и Аполлон работали зодчими для Лаомедонта, царя Трои».

¹³ Шеппард: «Неоптолем убил Приама, хотя тот искал защиты у алтаря Зевса. Упоминание этого отвратительного акта нечестивости призвано подготовить нас к той роли, которую играл Неоптолем в жертвоприношении Поликсены».

¹⁴ Еврипид использует слово «δίαιλος», обозначающее двойной пробег (туда и обратно) колесниц на ристалище.

¹⁵ Ахилл был к тому времени уже мёртв. Речь идёт о его призраке. Хэдли: «[Имеется в виду] насыпь или курган [mound or barrow], на вершине которого ставилась <...> колонна в память об умершем, часто украшенная его скульптурным изображением, среди предметов, имеющих отношение к его [земным] занятиям. Изображения пиров и сцен прощания тоже находят часто».

уже направивших домой весло морское.¹⁶
Он требует мою сестрицу, Поликсену,
как дань отрадную, как погребальный дар.¹⁷
И он возьмёт её. Не будет он друзьями
без жертвы брошен здесь. Веленье роковое
ведёт сестру на смерть. Она умрёт сегодня.¹⁸
Двоих детей своих два трупа в этот день
увидит мать: и мой, и дочери злосчастной.
Я, бедный, появлюсь, чтоб ныне в землю лечь,¹⁹
у ног рабы одной, колеблемый волною.
Богов я умолил, царящих под землёй,
могилу обрести, рук матери коснуться.
Итак, мои мечты исполнятся, конечно!²⁰
Но я уйду с пути Гекубы престарелой,
уж Агамемнона покинувшей шатёр,
где напугал её мой призрак этой ночью.
Что за беда!
Ах, матушка моя! Ты после кровель царских
на рабский смотришь день! Как страшно ты упала
с прекрасной высоты! Желает некий бог
страданием уравнивать исчезнувшее счастье.

ГЕКУБА²¹

Дети, к двэри направьте старуху,
помогите подруге-рабыне,
вашей прежней царице, троянки!
Встаньте, сблизьтесь, ведите, держите,²²
поднимите за дряхлую руку.

---

¹⁶ Дословный перевод оригинала: «ἐναλίαν πλάτην» («морское весло»). Наверное, эта фраза означает «флот, привыкший к морским плаваниям», «корабли, жаждущие моря» или нечто подобное. В подобных случаях наилучшим выходом представляется не объяснять автора, но попытаться сохранить его манеру выражения, даже если она кажется странной и не сразу понятной. Это кажется тем более важным что, возможно, Еврипид пытается передать речь мальчика, неискушённого в мореходстве и не умеющего выражаться правильно.

¹⁷ Хэдли: «Согласно одной пост-гомеровской версии смерти Ахилла, он, влюблённый в Поликсену, пришёл на назначенное ею свидание и был там убит Парисом. Этим может объясняться его требование, чтобы её принесли в жертву».

¹⁸ Хэдли: «Сейчас, видимо, ночь или раннее утро».

¹⁹ Хэдли: «Души непогребённых не могли попасть на Елисейские поля, отсюда важность, придаваемая греками надлежащему погребению даже врагов».

²⁰ Очень горькая строка, по психологическому напряжению одна из лучших у Еврипида. Об этом ли мечтал царевич из богатого и могущественного рода, такое ли будущее ему виделось?

²¹ Гекуба говорит анапестами (со свойственными древнегреческому анапесту частыми отклонениями от нормы) и гекзаметрами. К сожалению, в русском языке невозможно передать вариации анапеста, поэтому приходится переводить строгим размером. Хэдли (по поводу начинающейся сцены): «Традиционным фоном на греческой сцене со середины пятого века был дворец или фасад храма. Это требуется в 17-ти из 25-ти сохранившихся пьес Соф[окла] и Евр[ипида]».

²² Очень необычная для анапестов строка с четырьмя краткими слогами подряд: «λάβετε φέρετε πέμψτε ἄείρετέ μου» («берите, ведите, провожайте, поднимите меня»). Возможно, Еврипид таким образом передаёт волнение героини. Чтобы вместить четыре глагола, пришлось слегка пожертвовать точностью. Эту строку, из-за её необычности, некоторые исследователи считают подложной.

Опершись на изогнутый посох
ваших рук, я ускорю движение
слабых ног, отягчённых годами.

Зевса сиянье!²³ Глубокая темень!
Что ж меня так пугают во мраке
призраки эти? Земля-госпожа,
матерь снов чернокрылых, гоню я
прочь твоё наважденье ночное!
Сын мой пригрезился мне, в дальней Фракии убережённый,
и Поликсену мою, дочь любимую, я повстречала
в страшном виденьи своём, увидала, узнала!²⁴

Сына, боги земли,²⁵ вы спасите!
Он единственным якорем рода²⁶
в снежной Фракии держится прочно
под охраной отцовского друга.
Будет новое что-то.
Будет скорбная песня скорбящим.
Никогда ещё сердце так страшно,
так настырно не билось.
Где Гелена божественный облик,²⁷
где Кассандру²⁸ найти мне, троянки,
чтобы сны разъяснились?

---

²³ «Блеск Зевса» («στέρωπὸν Διός») – наверное, лучи восходящего солнца.

²⁴ Три завершающие строки этой строфы считаются подложными.

²⁵ Шеппард: «Она вызывает к подземным богам, потому что сны приходят из земли. Однако в этом есть трагическая ирония. На самом-то деле она, того не зная, молится мёртвым».

²⁶ Педантичное замечание Хэдли: «Небольшой анахронизм, поскольку во времена действия этой пьесы использовались не якоря, а тяжёлые просверленные камни». Шеппард: «Суда возили несколько якорей, и [фраза] “последний якорь” обычно означала последнюю надежду».

²⁷ Хэдли: «Гелен и Кассандра были оба детьми Приама, и у них был пророческий дар. От Гомера мы мало узнаём о Гелене, однако другие авторы сообщают нам, что он помирился с греками и поселился в Эпире, где принимал Энея». Шеппард: Гелен «был не мертвецом, но хуже – предателем. Перед захватом Трои он был пленён Одиссеем и пророчествовал для греков, открывая им способ, которым можно взять Трою. Софокл рассказывает эту историю в *Филоктете*, а художник Полигнот в своей картине, посвящённой взятию Трои, которую Еврипид вполне мог видеть в Дельфах, изобразил Гелена “одетым в пурпурный плащ и сидящим в скорбной позе”, исполненным раскаяния за то, что он сделал. Его последующая жизнь в качестве иждивенца Неоптолема и наследника его эпирского царства, рассказывается Верлигием, *Эн[еида]* iii. Андромаха, которую назначили наградой Неоптолему, была брошена им ради Гермियोны и отдана в жёны Гелену. Вергилий изображает её всё ещё хранящей верность памяти Гектора, и утверждающей, что судьба Поликсены предпочтительней её собственной. На той же знаменитой картине Полигнот изобразил Поликсену “с волосами, заплетёнными, как у девственницы”, а Неоптолема всё ещё убивающим троянцев после завершения битвы».

²⁸ Шеппард: «Это первое упоминание Кассандры, чья судьба противопоставляется по мере развития действия пьесы судьбе Поликсены. Пророчица, посвящённая Аполлону, теперь стала рабой Агамемнона, вместе с которым, как всем известно, была убита его женой, Клитемнестрой, когда он привёз её [Кассандру – В.] домой в Аргос».

Снилась мне пегая лань, лапой волка²⁹ кровавой убита,
он её всю разорвал и с колен моих сбросил жестоко.

И такого боюсь:

на могилу взойдя, дух Ахилла³⁰
в жертву просит одну из троянок,
совершенно замученных горем.
Отвратите от дочери бедной
это зло! Умоляю вас, боги!

ХОР³¹

Я, Гекуба, к тебе поспешила,
убежав из шатра господина,
где по жребию стала рабою,
уведённая из Илиона,
став добычей ахейского войска
и копья с наконечником острым.
Я страданья твои не уменьшу
тяжким бременем новых известий.
Я тут, женщина, вестница горя!
На всеобщем собраньи ахейцев,
слышно, дочь твоя жертвой Ахилла
названá. В золотых он доспехах
на курган свой, как знаешь, поднялся
и судам, уходящим по морю
под прилаженными парусами,
закричал: «Вы куда же, данайцы?
Что ж моё погребенье
вы решили без дара оставить?»
Сшиблись тут несогласные волны,
голоса копьеносцев³² Эллады
разделились: кто за, чтобы жертву
принести на могиле, кто против.
Агамемнон твои интересы
защищал, ведь он с вещей вакханкой³³

---

²⁹ Иногда вся эта строфа, а иногда лишь две первые её строки считаются подложными. Мне кажется, достаточных оснований для этого нет. Сбивчивые, прерывистые слова ещё не полностью проснувшейся Гекубы прекрасно передают её смятение и ужас.

³⁰ Равнозначный перевод: «На вершину кургана поднялся».

³¹ Хор (или только Корифей) тоже говорит анапестами. Нужно сказать, что такое длинное повествование из уст Хора, к тому же в анапестах, необычно для Еврипида. Обычно мы ожидали нечто подобное в виде рассказа Вестника, в ямбических триметрах, и, конечно, не в начале пьесы.

³² «Копьеносцы»: в оригинале «στράτων ἀιχμητήν», досл. «копьеносное войско». Здесь имеются в виду вообще все греческие воины.

³³ С Кассандрой, дочерью Гекубы. Она называется вакханкой за свою одержимость пророческим даром. Шепард: «Агамемнон, будучи царём, не должен был позволить своей страсти к пленнице повлиять на своё суждение. Он был прав, когда воспротивился приношению человека в жертву, однако его мотив был неправильным. Эта деталь выявляет его характер. Он – типичный слабый царь, который ставит частные соображения выше общественных. Так, позже, ему следовало бы поступить с Гекубой по справедливости и отдать Полиместора под общественный суд. Он уклоняется от этой ответственности, потому что боится

делит ложе. Сыны же Тесея,³⁴
два побега Афин, хоть две речи
говорили, но были едины
в том, что нужно могилу Ахилла
увенчать³⁵ свежепущенной кровью
и что ложу Кассандры³⁶ негоже
даровать предпочтенье
над копьём дерзновенным³⁷ Ахилла.
Силы спорщиков равными были,
но угодник толпы хитроумный,
пустозвон этот сладкоречивый,
Лаэртид,³⁸ убедил ратоборцев,
что нельзя цвет данайцев³⁹ обидеть
ради жизни какой-то рабыни.
Мол, никто из погибших не скажет,
пред божественной встав Персефоной,
что данайцы бросают данайцев,
за Элладу погибших,
без даров на равнине троянской.
Вот придёт Одиссей, и кобылку⁴⁰
от сосцов твоих грубо оттащит,
силой вырвет из рук твоих старых.
Но ступай к алтарям ты и храмам,
Агамемнона стисни колени,⁴¹
кличь небесных богов и подземных!
Либо дочь сохранишь ты мольбами,
либо девушке бедной придётся
на глазах твоих пасть пред могилой,

утратить популярность. Тем не менее, он смотрит сквозь пальцы на всё, что делает Гекуба, потому что она – мать Кассандры».

³⁴ Тесей (Θησεύς) – сын афинского царя Эгея (или бога Посейдона) и Эфры, 11-й царь Афин, один из величайших героев древнегреческой мифологии. Шеппард: «Тесей был героическим царём, которого афиняне считали зачинателем своего величия». Слово сочетание «сыны Тесея» стоит в двойственном числе, т.е. имеются в виду два человека. В древнем комментарии говорится, что это Акамонт и Демофон, сыновья Тесея и Федры. Вергилий говорит (Энеида II.262), что Акамонт был в числе воинов, сидевших в Троянском коне.

³⁵ В оригинале стоит глагол «στεφανῶ», т.е. дословно «увенчать» кровью (этот вариант выбрал и Анненский). Благородная кровь Поликсены именно является венком, наградой духу Ахилла. Тем не менее, в переносном смысле этот глагол означает «окропить» могилу кровью, поэтому читателю предлагается выбрать один из вариантов на своё усмотрение. Альтернативный перевод строки: «окропить свежепущенной кровью».

³⁶ Сначала выбор падает на Кассандру.

³⁷ Слова «дерзновенным» нет в оригинале. Оно является наполнителем. Если расшифровать метафору слова «копьё», то можно получить следующий вариант перевода: «перед воинской славой Ахилла».

³⁸ Одиссей, сын Лаэрта.

³⁹ «Цвет данайцев»: в оригинале – «τὸν ἄριστον Δαναῶν», «лучшего из данайцев», т.е. Ахилла. Данайцы (а также аргивяне и ахейцы) – так в древней литературе называют греков по обобщённым наименованиям древних племён.

⁴⁰ «Кобылка» или «жеребёнок» («πῶλος») – так часто называются девушки и юноши.

⁴¹ Эта строчка считается подложной из-за отклонений в размере. В переводе сохраняется правильный анапест.

и польются проворные струи
из украшенной золотом шеи,
ярко-красные, с чёрным отливом.

Гек.⁴² Ах, я бедная! Что прокричать мне?
Застонать ли? Посетовать горько?
Я скорблю и от старости скорбной,
и от рабства, противного сердцу,
нестерпимого. Плохо мне, плохо!
Кто защитник мой? Что за семейство,
что за город? Скончался старик мой,⁴³
пали дети.
На дорогу мне ту или эту
встать стопой? Где спасусь я? Какое
божество или демон поможет?
Скорбь принесли вы мне,
скорбь принесли вы, троянки, мне,
горем убили, сгубили!⁴⁴ В сиянии дня
жизнь мне больше не мила!

Ноги бедные, вы проведите,
проведите старуху
в этот двор! Ах, ребёнок мой милый!⁴⁵
Дочь несчастнейшей матери, выйди,⁴⁶
выйди из дому,
голос мамы ты послушай!
Знай же, доченька, что за молву я
о душе твоей нынче слыхала!

ПОЛИКСЕНА

Мама, мама! Что плачешь? О чём ты
возвещаешь и дочь, словно птицу,
гонишь в страхе из дома?

Гек. Ах ты, доченька!

Пол. Что ты сетуешь? Горе мне кличешь!

Гек. Ах, кровиночка!⁴⁷

Пол. Говори! Не скрывай же так долго!

Я дрожу, я напугана, мама!

Что же ты стонешь так?

---

⁴² Слова Гекубы и Поликсены поются.

⁴³ Приам, её муж.

⁴⁴ Как часто бывает, Гекуба винит вестниц в том, что случилось.

⁴⁵ Аристофан находил этот плач Гекубы весьма смешным и спародировал его в своей комедии «Облака».

⁴⁶ Начиная с этой строчки и до конца строфы текст проблематичен, и его подлинность подвергается сомнению.

⁴⁷ В оригинале: «αἰᾶ ὄαζ ψυχᾶς», т.е. «ай-ай, твоя душа!». Поскольку по-русски это не звучит, перевод пришлось перефразировать.

Гек. Дочка, дочка ты матери бедной...
Пол. Что ты скажешь мне?
Гек. Всё аргивское войско решило
на могиле Пелеева сына
заколоть тебя!
Пол. Мама, что ты такое сказала?
Ты беду незавидную,⁴⁸ мама,
мне раскрой, раскрой!
Гек. Дочь, узнай о неслыханном слухе:⁴⁹
говорю я тебе, что ахейцы
на судьбу твою бросили жребий.⁵⁰
Пол.⁵¹ Ах, страдальца! Бедная мама,
натерпелась несчастий ты в жизни!
Что за новым, всё новым позором,
ненавистнейшим и несказанным,
некий бог по тебе ударяет!⁵²
Больше дочка не будет с тобою
бедной старости бедной опорой
в этом рабстве!
Ты детёнышем горного зверя,
мама жалкая, жалкой телицей
<дочь родимую скоро> увидишь.
Вырвут из рук твоих,
вергнут её с перерезанным
горлом в Аид, в темь земли, где я буду лежать
в груди бездыханных тел!

О тебе я, злосчастливая мама,
непрестанно рыдаю.
Обесчещенной, сгубленной жизни
мне не жаль, и по ней я не плачу.
Если я умру,
мой удел счастливее будет.⁵³

---

⁴⁸ В оригинале: «ἀμεύαρτα κακῶν», т.е. «незавидные беды». Конечно, беды вряд ли бывают завидными, но подобная избыточность, в общем, свойственна стилю Еврипида.

⁴⁹ «О неслыханном слухе» – в оригинале тоже сильная аллитерация: «δυσφήμους φήμας».

⁵⁰ Поскольку эти строчки повторяют то, что уже было сказано, некоторые комментаторы считают их либо поддельными, либо стоящими не на своём месте. Можно, впрочем, заявить, что и здесь видна психологическая тонкость Еврипида: потрясённой Поликсене нужно повторить известие, потому что первый раз она отказывается его слышать и понимать.

⁵¹ Шеппард: «Поликсена испугана до того, как слышит новое известие. Услышав же его впервые, она не вполне понимает его и хочет, чтобы его повторили. Когда же она понимает, то думает лишь о горе своей матери, а вовсе не о собственном злосчастии. Важно помнить, что Поликсена стоит молча, слушая, пока Одиссей разговаривает с Гекубой в следующей сцене».

⁵² Эта строка и предыдущая иногда считаются подложными.

⁵³ Эта строфа иногда объявляется подложной, однако она необходима для соблюдения симметрии строфы и антистрофы. Для этого требуется добавить ещё одну строку, которая, видимо, была утеряна. Чтобы не добавлять в эту строку (предпоследнюю) новый материал, было решено растянуть материал уже существующий.

Хор Гекуба, Одиссей сюда стопою спешной
идёт, чтоб новостью с тобою поделиться!

ОДИССЕЙ

Ты, верно, женщина, о мненьи войска знаешь
проголосованном,⁵⁴ но я скажу всё снова.
Ахейцы дочь твою решили, Поликсену,
заклать пред насыпью Ахилловой могилы,⁵⁵
меня⁵⁶ и вестником избрав, и провожатым
для этой девушки. Жрецом же при обряде
и закалателем назначен сын Ахилла.

Ты вот как поступи: от схватки рукопашной,
от волоченья прочь прошу меня уволить.
Знай меру сил своих, прими беду смиренно.
Мудрец и в горести свой разум сохраняет.

Гек. Ай-ай! Мне предстоит большая схватка, видно,
стенаний полная, не без рыданий горьких!
Не встретила я смерть, когда она являлась.
Меня не тронул Зевс, но сил даёт мне, бедной,
чтоб насмотрелась я на горшие несчастья.
И если мы, рабы, вольны свободным людям
не тягостные им, не гложущие сердце
вопросы задавать,⁵⁷ то должен ты ответить,
тебя же вправе я внимательно послушать.

Од. Вольна ты. Спрашивай. Мне времени не жалко.

Гек. Ты помнишь, в Илион лазутчиком пришёл ты,
в лохмотьях, грязный весь и видом безобразный,
лицо багровое, закапанное кровью?⁵⁸

Од. Да, это тронуло не только кромку сердца.

Гек. Узнав тебя, лишь мне призналась в том Елена.

Од. Я помню, что попал в ужасную опасность.

Гек. И мне ты обхватил колени раболепно?

Од. На пеплосе твоём немели, сжавшись, руки.

Гек. А что ты мне сказал, моим рабом являясь?

---

⁵⁴ Шеппард: «Его тон официален, но неукоснительно вежлив».

⁵⁵ Вариант перевода, с которым жалко расставаться: «на гордой насыпи Ахилловой зарезать».

⁵⁶ Одиссей говорит «мы». Шеппард считает, что это потому, что Одиссея сопровождают вооружённые стражи. Однако в трагедиях Еврипида тот или иной герой часто пользуется множественным числом, говоря лишь о себе самом. Самомнение и тщеславие Одиссея всем известны, поэтому в переводе было решено не отвлекать внимания от его персоны.

⁵⁷ Тонкая психологическая деталь: Гекуба стала рабой лишь недавно и пока не знает своих новых прав и обязанностей. Говоря об этом Одиссею, она под прикрытием учтивости даёт ему понять, что он разговаривает со свободнорождённой.

⁵⁸ Ковач: «В *Одиссее* 4.244-56 рассказывается о том, как Одиссей проник в Трою лазутчиком, переодетый в лохмотья и неузнаваемый от нанесённых себе самому ран. В гомеровской версии только Елена понимает, кто он такой».

Од. Всего наговорил, чтоб гибели избегнуть.⁵⁹
Гек. И я тебя спасла, и вывела за стены?
Од. Благодаря тебе я вижу это солнце.
Гек. Тогда не подлость ли подобные решенья?
Поведав сам, как я с тобою поступила,
ты платишь не добром, а злом как бóльшим!
Неблагодарный род, ораторскую славу
снискать желающий! Я знать вас не желаю!
Вас не заботит то, что вы друзьям вредите,
вам лишь бы всякий сброд умасливать словами.
Какую ж это вы изобрели уловку,
смерть этой девушки скрепив голосованьем?
Судьба ли некая от вас не бычьей жертвы,
но человеческой у гроба ожидает?
Желает ли Ахилл отмстить своим убийцам
и гибель девушки считает справедливой?
Она ни капли зла ему не причинила!
Ему бы требовать заклания Елены,
из-за неё ведь он пришёл и пал под Троей!
Но если прочить смерть достойнейшей из пленниц
и распрекраснейшей, на нас глядеть не нужно,
поскольку всех затмит наружность Тиндариды,⁶⁰
которая ему не меньше нас вредила.
Я к справедливости поэтому взываю
и у тебя прошу такого возмещенья.
Признался ты, что сам руки моей коснулся,
к щеке моей припал, морщинами покрытой,
а ныне я к тебе с мольбою припадаю,
чтоб милосердию воздал ты милосердьем.⁶¹
Не вырывай, прошу, из рук моих ребёнка,⁶²
не убивай его! Уже нам хватит мёртвых!
Она ведь радость мне, забвение страданий
и утешение в несчастьях бесконечных,
мой град, кормилица, и поводырь, и посох!
Кто властью наделён, не должен править скверно
и благоденствие считать непреходящим.
Царила ведь и я, а что теперь я значу?
Всё процветание в единый день увяло!

---

⁵⁹ Шеппард: «Эта деталь отражает правду жизни. Одиссей, которому внезапно напомнили об этом критическом моменте в его прошлом, не очень-то помнит, что он обещал. Поэтому он цинично восклицает, что, каким бы его обещание ни было, он не связан «простыми словами», которые предназначались для конкретного случая. Когда у него появляется время для раздумий, он принимает другую тактику. Он убеждает себя, что его обещание относилось лишь к защите самой Гекубы, так что, без всякого зазрения совести, он не обязан спасать её ребёнка».

⁶⁰ Елены, дочери Тиндарея. Она тоже считается пленницей, как перешедшая на сторону врагов.

⁶¹ Вариант перевода: «чтоб с милосердной поступил ты милосердно».

⁶² Гекуба произносит слово «τέκνον», т.е. «дитя, ребёнок». Теперь, перед своей смертью, Поликсена видится ей девочкой, которую она, как мать, должна защитить.

Я бороды твоей, любезный друг, касаюсь,⁶³
спаси нас, пожалей! Пойди к рядам ахейцев
и растолкуй им всем, что, право же, постыдно
смерть женщинам судить, которых вы же сами
отняв от алтарей, сначала пощадили!

У вас есть и закон, который защищает
и вольных, и рабов от проливанья крови.⁶⁴
Ты славен среди них, и даже слабой речью
добьёшься своего. Звучат слова героя
поубедительней, чем умствование смерда.⁶⁵

Хор⁶⁶ Нет столь суровой человеческой природы,
что, слыша этот плач, исполненный стонаний
и жалоб горестных, не пролила бы слёзы!

Од. Гекуба, выслушай, не возбуждая сердце
негодованием на дельные слова.

Спаси саму тебя, мне давшую свободу,
конечно, я готов, чего тут говорить.

Но речи к воинам я брать назад не буду.

Раз Троию взяли мы, то лучший среди нас,
просящий дочь твою, её получит в жертву.

У многих городов такая слабость есть,
героя храброго, из доблестного рода,
над второсортными ничуть не возвышать.

Достоин, женщина, Ахилл высокой чести,
он за Элладу пал, прекрасный человек.

Ведь это стыд и срам – считать живого другом,
а от погибшего отворотиться прочь!

Что скажет и народ, когда придётся снова

нам войско набирать, чтоб встретиться с врагом?

«Чем нам на бой идти, не лучше ль побережся?

Нет чести никакой погибшим храбрецам!»⁶⁷

---

⁶³ Традиционным жестом просителя было обхватывание бороды просимого. Гекуба говорит дословно: «О, милая борода, пощади меня» («ὦ φίλον γένειον, αἰδέσθητί με»). В переводе это несколько сглажено, потому что прямое обращение к бороде может показаться смешным современному читателю.

⁶⁴ Шепард: «Афины особенно гордились тем, что обращались с рабами по-человечески, в чём и винули себя иногда, в моменты раздражения».

⁶⁵ В словах Гекубы слышится не просто желание польстить Одиссею. Какой бы незначительной ни была Итака по сравнению с Троянским царством и каким бы низким ни было нынешнее положение Гекубы, они оба – представители царского рода, и это чувствуется в их обращении друг с другом. Это чувство принадлежности к аристократии, к избранному классу, было очень сильно в Античности. Даже враги, желавшие друг другу смерти, всё равно сохраняли ощущение некоей общности, качества, отличавшей их от презренной толпы. В Средние века рыцари, встречавшиеся на поле брани, как правило, руководствовались определёнными нормами поведения, принятыми в их среде. Эти нормы совершенно не распространялись на простых воинов, с которыми можно было поступать как угодно.

⁶⁶ Эти слова произносит Корифей.

⁶⁷ Грегори: «Одиссей искажает системы ценностей как героической эпохи, так и пятого века, давая понять, что воины утратят желание сражаться, если у них возникнет сомнение в получении посмертных почестей. Гомерический воин полагался скорее на свою репутацию <...>, чем на приношения к своей могиле, для поддержания памяти о себе <...>. То же самое верно и о гражданине-солдате пятого столетия...»
ВНИМАНИЕ: в этом примечании рассказывается о том, что произойдёт дальше. Если Вы ещё не знаете

Да я и сам таков. Мне в жизни каждодневной
хватает малого, и я доволен всем,
могилу же свою хотелось бы мне видеть
достойной почестей, ведь славе жить века!⁶⁸
Ты страждешь, говоришь. Так вот, меня послушай.
Старух и стариков у нас довольно есть,
не менее, чем ты, испробовавших лиха,
невест, лишившихся отличных женихов,
которые лежат в идейском⁶⁹ прахе этом.
Будь стойкой. Если мы, как должно, не почтим
героя мёртвого, нас примут за мужланов.
Эх, племя варваров, друзьям вы не друзья,
и неспособны вы героев падших помнить
с благоговением! Эллада будет цвести,
а вы влачите жизнь согласно взглядам вашим!⁷⁰

Хор Ай-ай! Каким же злом всегда являлось рабство!

Все терпят произвол, подавленные силой!

Гек. Ах, доченька моя! Я о твоём убийстве
напрасно речь вела! Всё сказано на ветер!
Но если мать свою ты превосходишь силой,
то звуки все излей, что в горле соловьином
бесшумно копятя,⁷¹ чтоб не расстаться с жизнью!
Ты с плачем обхвати колено Одиссея
и убеди его (ведь ты имеешь повод –

сюжета, то не читайте, чтобы не испортить впечатления. Шеппард: «Нет причины считать его настойчивость по поводу того, что мёртвым полагается благодарность, и желание славы, когда он будет в могиле, неискренними. Когда Одиссей внезапно обращается к Гекубе с предположением, что, возможно, будучи варваркой, она не может понять такую верность мёртвым, греческая аудитория не может ему не сочувствовать. То, что происходит дальше, делает всё это весьма драматичным, потому что сама Гекуба, движима ошибочной верностью по отношению к своим собственным мёртвым, подвергает Полиместора ужасающей мести, убивая его невинных детей, а также ослепляя преступника... и в процессе этого утрачивает собственную человечность. Вся пьеса вполне могла рассматриваться как разрушительная атака на “государственных деятелей”, оправдывающих варварские и жестокие действия под предлогом того, что “нельзя допустить, чтобы мёртвые погибли понапрасну”».

⁶⁸ ВНИМАНИЕ: В этом примечании рассказывается о том, что произойдёт в пьесе дальше. Если Вы ещё не знаете сюжета, то не читайте, чтобы не испортить впечатления. Шеппард: «Нет причины считать его настойчивость по поводу того, что мёртвым полагается благодарность, и желание славы, когда он будет в могиле, неискренними. Когда Одиссей внезапно обращается к Гекубе с предположением, что, возможно, будучи варваркой, она не может понять такую верность мёртвым, греческая аудитория не может ему не сочувствовать. То, что происходит дальше, делает всё это весьма драматичным, потому что сама Гекуба, движима ошибочной верностью по отношению к своим собственным мёртвым, подвергает Полиместора ужасающей мести, убивая его невинных детей, а также ослепляя преступника... и в процессе этого утрачивает собственную человечность. Вся пьеса вполне могла рассматриваться как разрушительная атака на “государственных деятелей”, оправдывающих варварские и жестокие действия под предлогом того, что “нельзя допустить, чтобы мёртвые погибли понапрасну”».

⁶⁹ Ида (Ιδη) – гора, расположенная к югу от Трои.

⁷⁰ Одиссей, чтобы успокоить свою совесть, прибегает к обычному для греков поношению всего негреческого. Нет необходимости долго говорить о том, что упрёки, бросаемые им «варварам», совершенно беспочвенны. К слову сказать, поведение троянки Поликсены не уступает по мужеству и благородству поведению гречанки Ифигении, а, может, и превосходит его, потому что Поликсену не ждёт немеркнущая слава в её народе и от её жизни не зависит судьба уже погибшей Трои.

⁷¹ Слов «бесшумно копятя» нет в оригинале, это наполнитель.

он сам отец детей),⁷² смягчить твой тяжкий жребий!
Пол. Я вижу, Одиссей, что прячешь под плащом
ты руку правую и прочь отворотился,
чтоб к бороде твоей не прикоснулась я.⁷³
Мужайся. Ты спасён. Далёк мой Зевс Молельный.⁷⁴
Пойду я за тобой. Мне нужно умереть,
и смерти я хочу. Погибнуть не желая,
я робкой покажусь, трепещущей за жизнь.
А для чего мне жить? Отец мой был, ты знаешь,
царём всей Фригии. Так жизнь я начала.
Я вскормлена была в значительных надеждах
невестой стать царям, соперникам в борьбе
за право свой очаг и дом украсить мною.
Идейским женщинам была я госпожой
и в свите девушек, несчастная, казалась
вполне божественной, хоть смерти не сильней.
Теперь же я раба. При этом слове чуждом
во мне рождается желанье умереть.
Вдобавок, может быть, хозяин бессердечный⁷⁵
за груды серебра меня приобретёт,
сестру и Гектора, и многих братьев славных.
Он хлеб в доме своём меня принудит печь,
и пол ему мести, и с челноком трудиться,⁷⁶

---

⁷² Известен лишь один сын Одиссея, Телемах. Если что-либо и производилось во время его многочисленных приключений, то история об этом молчит.

⁷³ Шеппард (с. 69): «Одиссей прячет свою руку под плащом и отворачивается прочь, потому что он боится, как бы Поликсена не прикоснулась к его руке или бороде, моля о пощаде. Если ей удастся это сделать, то она станет в некоторой степени неприкосновенной [sacred], и он будет чувствовать себя обязанным обращаться с ней как с молительницей».

⁷⁴ Ζεὺς Ἰκέσιος – Зевс-Покровитель молящих. Ковач (с. 429): «Зевс Икесиос следит за молящими, как теми, кто укрывается в храмах, так и теми, кто припадает к коленам других. Отказ в просьбе, с которой обращался молящий, считалось оскорблением [Зевса]».

⁷⁵ Наверное, бессердечный не в том смысле, что он её избивал бы или как-нибудь издевался бы над ней, но в том, что он не выказывал бы никакого уважения к тому, что она всё-таки царевна. Мы видим на примере Андромахи, что значило для молодой женщины попасть в рабство, причём Неоптолем не обращался с Андромахой плохо. Рабыня была вещью, её почти наверняка принуждали к сожителству, к рождению детей от чужого ей человека, к физическому труду, который мог быть довольно тяжёлым и непрерывным. Более того, если хозяину она нравилась, то это вызывало ревность жены, имевшей значительную власть над женщинами в доме, со всеми вытекающими отсюда последствиями. У Поликсены самой было множество рабынь, и она прекрасно знала, как с ними обращаются.

⁷⁶ Грегори (с. 89): «Тканье было также физически тяжёлым, потому что требовалось подолгу стоять за вертикальным ткацким станком». Для царевны, не привыкшей к подобному рода занятиям, это было бы сухой пыткой, да и немалым унижением. См. также интересное замечание Шеппарда (с. 69): «Работа за ткацким станком, труд по приготовлению хлеба (размалывание зерна и выпечка), уборка в доме и изготовление домашней одежды являются обычными заданиями пленных рабынь в гомеровские времена и позже. Однако для Поликсены худшее унижение состоит не в этой домашней каторге, но в предстоящем насильном браке с рабом [Здесь Шеппард не совсем прав, этого могло и не случиться. Судьба Андромахи была иной, например. – В.]. Своей смертью Поликсена сохраняет скромность и целомудрие. Эта идея повторяется в момент её смерти. Счастье Поликсены, несмотря на все злоключения, таким образом противопоставляется постыдной судьбе Кассандры. Когда Гекуба принуждает себя умолять Агамемнона на том основании, что Кассандра – его рабыня, её унижение ещё более трагично оттого, что она мать Поликсены».

навязывая мне мучительную жизнь.
И станет грязный раб, приобретённый где-то,
в моей постели спать, былой мечте царей.
Нет, не бывать тому! Из глаз, ещё свободных,⁷⁷
я отпускаю свет! С Аидом обручусь!
Давай же, Одиссей! Веди меня на гибель!⁷⁸
Мне ни надежда здесь не укрепляет дух,
ни ожидание счастливого удела.
Ты, мама, не мешай, не преграждай мне путь,
не умоляй меня, но согласись со мною,
что лучше смерть, чем незаслуженный позор.
Кто бед не пробовал, тому, вставляя шею
в ярмо тяжёлое, приходится страдать,
но в смерти будет он счастливее, чем в жизни,
ведь жизнь без радости – неимоверный труд.⁷⁹

- Хор Какой отчётливой чеканка благородства
бывает на душе! Но больше потрясает,
что имя знатное растит людей достойных!
- Гек. Красивые слова. Но в красоте их, дочка,
есть примесь горечи. Раз нужно Пелеиду
почтенье оказать и чтобы вам укора
избегнуть, Одиссей, её не убивайте!
Где вы Ахилла жгли, меня туда ведите
и режьте не шадя! Ведь я же мать Париса,
который стрелами⁸⁰ лишил Фетиду⁸¹ сына!
- Од. Старуха, не тебя у воинов ахейских
Ахиллов дух просил, а женщину вот эту.
- Гек. Хотя бы с дочерью меня убейте тоже,
тогда получится в два раза больше крови
земле и мертвецу, просившему напиток!⁸²
- Од. Нам хватит девушки. Покойников не нужно
горою громоздить.⁸³ Не резать никого бы...

⁷⁷ Хэдли (с. 60): «Она считает себя всё ещё свободной по сравнению с рабством, которое она только что обрисовала». Грегори (с. 89): «Рассуждения Поликсены слегка непоследовательны: признав ранее, что она уже номинально рабыня <...>, она, кажется, приравнивает здесь своё вступление в рабство к выполнению только что перечисленных ею заданий».

⁷⁸ Поликсена значительно облегчает грекам задачу, потому что для успешного жертвоприношения требовалось согласие жертвы, пусть и номинальное. На голову животных, например, лили воду, и, когда те мотали головой, это считалось кивком – согласием на то, чтобы их резали.

⁷⁹ Возможный вариант перевода: «ведь жизнь бесславная – неимоверный труд». В оригинале: «τὸ γὰρ ζῆν μὴ καλῶς μέγας πόνοσ». Читатель, предпочитающий подчеркнуть аристократизм Поликсены, волен выбрать этот вариант.

⁸⁰ В оригинале тоже множественное число: «ὄσ παῖδα Φέτιδος ὄλεσεν τόξοις βαλόν». Смерть Ахилла наступила от одной стрелы, пронзившей его пяту. Впрочем, неизвестно, была ли эта стрела единственной или Парис стрелял несколько раз.

⁸¹ Фетида (Φέτις) – морская нимфа, мать Ахилла.

⁸² Грегори (с. 91): «Возлияния просачиваются в землю и, согласно представлениям [древних], выпиваются мертвецами, которых мучает жажда».

⁸³ Я вижу в этих словах скрытую гордость цивилизованного греческого воина сравнительно с войсками варваров, которые именно громоздили мертвецов, пытаясь запугать покоряемые народы.

Гек. Но с дочерью моей меня убить ты должен!
Од. Как? Должен? Я не знал, что госпожу имею.
Гек. Прижмусь я к ней, как плющ, обвивший ветви дуба!
Од. Не надо. Слушай тех, кто более разумен.
Гек. Но добровольно я не отпущу ребёнка!
Од. И я не отойду, и не оставлю жертву!
Пол. Ты, мама, слушай дочь! А ты, Лаэртос отпрыск,
не злился на мать мою, ведь гнев её понятен!
Ты, горемычная, с властями не тягайся.
Охота ли тебе на землю пасть, и тело
изранить старое, и чтоб тащил с позором
тебя одной рукой какой-нибудь молодчик?
Вот именно! Оставь. Оно того не стоит.
Но, мама милая, любимейшую руку
подай, позволь щекой к щеке твоей прижаться!
Мне больше никогда увидеть не придётся
светило круглое с блестящими лучами.⁸⁴
Последние слова к тебе я обращаю.
Родная мать моя, спускаюсь я под землю!
Гек. Рабыней, доченька, на свете я останусь!⁸⁵
Пол. Ни песен свадебных, ни брака мне не будет!
Гек. Ты бедное дитя, а я ещё несчастней!
Пол. Придётся без тебя покоиться в Аиде!
Гек. Ах, что же делать мне? Где жизнь мою закончить?
Пол. Рабыней я умру, а был отец свободным...
Гек. Я пятьдесят детей⁸⁶ навеки потеряла!
Пол. Что Гектору сказать и старому супругу?⁸⁷
Гек. Им просто передай, что я всех женщин жальче!
Пол. О груди, о сосцы, источник пищи сладкой!⁸⁸
Гек. О дочь, несчастная безвременной кончиной!
Пол. Всех благ,⁸⁹ родимая! Пусть здравствует Кассандра...⁹⁰

⁸⁴ Эти две строчки повторяются в «Алкесте» (208-9).

⁸⁵ Эта строка и шесть последующих даются в некоторых изданиях (например, Ковача и Диггла) в ином порядке, чтобы восстановить последовательность диалога двух женщин. Считается, что строки поменялись местами при переписке. Я согласен с Грегори (с. 93), что подобные игры с оригиналом не достигают убедительного результата. Гекуба и Поликсена каждая занята своими мыслями, что создаёт два параллельных течения, перекликающихся друг с другом лишь отчасти. Это оказывает сильное психологическое воздействие на сцене.

⁸⁶ Грегори (с. 94): «В *Илиаде* (24.495-96) у Приама пятьдесят сыновей, то лишь девятнадцать рождены Гекубой. Согласно древнему комментарию, гипербола усиливает пафос». Хэдли (с. 62): «Кажется, здесь Еврипид ставит в заслугу Гекубе то, за что следует похвалить лишь Приама. <...> Возможно, однако, Гекуба считает их всех одной семьёй, главою которой она являлась».

⁸⁷ «Старый супруг» – царь Приам, муж Гекубы.

⁸⁸ Несколько необычное для современного человека обращение к материнским грудям. В оригинале: «О груди и сосцы, которые питали меня сладко» (ὦ στήρνα μαστοί θ', οἷ μ' ἐθρέψαθ' ἠδέως). Наверное, приемлем и следующий вариант перевода, звучащий менее непривычно: «О груди матери, источник пищи сладкой!»

⁸⁹ В оригинале – «χαῖρε», что означает как «прощай», так и «будь счастлива». Еврипид здесь играет этими значениями, создавая горькую иронию.

⁹⁰ Кассандра – последняя сестра Поликсены, ещё остававшаяся в живых.

Гек. Все блага у других, не у тебя родившей.
 Пол. ...и брат мой Полидор, гость конников⁹¹ фракийских!
 Гек. А жив ли он? Едва ль. Теперь повсюду горе!
 Пол. Он жив, и он глаза тебе закроет мёртвой!
 Гек. От горестей моих мертва я прежде смерти.
 Пол. Пойдём же, Одиссей. На голову мне пеплос
 накинь,⁹² ведя на смерть, а то растает сердце
 от стонов матери и сердце ей растопит.
 О, свет! По имени тебя назвать могу я,
 но буду я с тобой лишь на дороге краткой
 к мечу и скорбному кургану Ахиллеса.
 Гек. Ох, как же плохо мне! Какая слабость в теле!
 Кровинушка моя! Дай руку! Что ж ты маму
 так сиротишь! Вернись! Погибла я, подруги!⁹³
 Так бы лакóнянку, сестрицу Диоскуров,⁹⁴
 Елену, повели! Прекрасными глазами
 она постыднейше лишила Троию счастья!⁹⁵

Хор⁹⁶ Ветер, ветер над морем,
 ты стремишь мореходные
 чёлны⁹⁷ быстрые по пучине грозной,
 ты куда унесёшь меня,
 бедную? В чей же дом приду
 я рабыней купленную?
 Пристань в земле дорийской⁹⁸

⁹¹ Здесь опять используется слово «конелюбец» (φίλλος), которое в переводе заменено более коротким вариантом из соображений размера.

⁹² Как отмечает Грегори (с. 95), покрывание головы насыщено символическими значениями. Это и знак личной скорби, и желание скрыть слёзы от глаз матери и других людей, и ожидание брака с Аидом (невесты покрывали голову во время свадебного обряда). Покрывание руками другого человека являлось знаком неминуемой смерти.

⁹³ Последнее восклицание обращено к Хору. Хэдли (с. 63): «Эти три прерывистые строки являются последними словами матери, сказанными в агонии разъединения с её ребёнком, завершающиеся криком “ἀπολόμην, φίλαι” [“Погибла я, подруги!”], когда она отворачивается прочь от исчезающей фигуры Поликсены, ища сострадания у своих подруг по рабству. Затем, в бешеной и бессильной жажде мести, она проклинает “спартанку”, источник всех её скорбей. Конечно, ничего не может быть более художественного, более соответствующего мстительной восточной личности, которую Еврипид описывает так ярко в последней части пьесы, чем эта деталь: и всё же “*damnavit Hartungius, choro tribuit Hermannus*” [Гартунгий признал (эти строки) подложными, а Германн присудил их Хору – лат.].» Шепард (с. 70): «Контраст между Поликсеной, которая превращает трагедию в нечто прекрасное и умирает счастливой, и Гекубой, взывающей к мести, имеет существенное значение для сюжета всей пьесы».

⁹⁴ Это Кастор и Поллукс, родные братья Елены, тоже рождённые Ледой от Зевса.

⁹⁵ Последние три строки некоторые комментаторы считают подложными. Основания для этого не представляются мне убедительными. Анненский эти строки не переводит.

⁹⁶ Эта партия Хора переведена размером оригинала.

⁹⁷ В оригинале «ἀκάτους», т.е. мелкие суда, способные двигаться очень быстро, на которых часто ходили пираты. Бывало, на крупных судах находилось несколько ἀκάτους, выполнявших назначение современных шлюпок. Хэдли (с. 64): «Это были маленькие лодки, не особо приспособленные, думается, для перевозки нескольких женщин».

⁹⁸ Хэдли (с. 64): «Евр[ипид], несомненно, имеет в виду дорийские поселения на Пелопоннесе и, таким образом, виновен в анахронизме, поскольку дорийцы лишь один раз упоминаются в гомеровских поэмах».

или же во Фтии⁹⁹ мне,
где отец превосходных вод
Апидан,¹⁰⁰ говорят,¹⁰¹ поля питает?

Или на острова ты
бедную понесёшь меня,
синь дробя веслом, к жалкой жизни в доме,
где¹⁰² ростками священными
финик¹⁰³ с лавром¹⁰⁴ возносятся,
вместе радость Лёто даря,
Зевсу детей¹⁰⁵ родившей?¹⁰⁶

(Од[иссея] хіх.177), и даже тогда в качестве племени на Крите». Я не стал бы упрекать Еврипида в анахронизме, потому что в древнем искусстве это обычное и вполне допустимое явление. Пелопоннес – родина и Агамемнона, и Менелая, поэтому рабыни могут оказаться их собственностью.

⁹⁹ Хэдли (с. 64): «[Это] ахейская Фтиотида [в Центральной Греции – В.], дом Ахилла и первоначальная родина [the original nursery] эллинов».

¹⁰⁰ Апидан (Αἰδανός) – река в Фессалии. Хэдли (с. 65): «Возможно, Евр[ипид] имеет в виду Энипей, который, поднимаясь на горе Отрис, течёт на север по ахейской Фтиотиде и равнине Фессалии, и впадает в Пеней вскоре после слияния с водами Апидана, притока, текущего параллельно с ним по большей части Фессалии. Эти реки часто путают друг с другом». Апидан здесь, как и многие реки, персонифицируется.

¹⁰¹ Грегори (с. 100): «Этот глагол служит приёмом отдаления [a distancing device], напоминая греческой аудитории, что для троянского хора Фессалия – незнакомая территория».

¹⁰² На острове Делос. Хэдли (с. 65): «Остров Делос, о котором упоминают эти строки, был одним из священных мест Греции: ведь здесь Лето, преследуемая ревностью Геры, нашла себе прибежище, и здесь, видимо, она родила Аполлона и Артемиду. Остров, некогда плавучий, был закреплён Зевсом для приёма Леты, и представлял собой не более чем массу камней, поднимавшуюся в виде горы Кинт на высоту 500 футов [152.4 м – В.] и составлявшую не более 5 миль [8.046 км – В.] в окружности. Он стал центром поклонения Аполлону, и там каждый пятый год с ранних времён отмечались Делии, праздник, на который ионийцы с островов и близлежащих побережий собирались, чтобы воздать почести своему <...> [родовому богу]. Перестав праздноваться, Делии были восстановлены афинянами в 426 г. до н.э., и на острове был совершён обряд очищения. (Фук[идид] V.I. говорит нам, что завершение очищения состояло в депортации населения, это произошло в 422 г. до н.э.). Во время постановки «Гекубы» (примерно в 425 г. до н.э.), восстановление [Делий – В.] было ещё свежим в памяти людей, и, несомненно, по данной причине Евр[ипид] упоминает остров в этом месте».

¹⁰³ Здесь: финиковая пальма. Ковач (с. 441): «Когда Лето собиралась родить Аполлона и Артемиду, Зевс сделал так, что из земли выросла финиковая пальма, чей ствол Лето обхватила руками во время родовых схваток». Хэдли (с. 65): «См. Гомер, Од[иссея] vi.162, где Одиссей сравнивает Навсикаю с молодой пальмой, растущей у храма Аполлона на Делосе. Пальмы не росли в Греции». Может быть, в древности. Теперь растут. Вот это место из Гомера в переводе В. Вересаева:

Ни средь мужчин никого, ни средь жен, - изумляюсь я, глядя!
Близ алтаря Аполлона на Делосе в давнее время
Видел такую же я молодую и стройную пальму.
Я ведь и там побывал с толпою товарищей верных,
Ехав дорогой, в которой так много ждало меня бедствий!
Вот и тогда, увидавши ее, я стоял в изумленьи
Долго: такого ствола на земле не всходило ни разу!
Так и тебе я, жена, изумляюсь.

¹⁰⁴ Лавр – традиционное растение Аполлона. В него превратилась нимфа Дафна, убегавшая от распалённого страстью бога. Прекрасное изложение этого мифа см. в «Метаморфозах» Овидия (книга I).

¹⁰⁵ Как уже говорилось, это Аполлон и Артемиды.

¹⁰⁶ Точный смысл последних двух строк этой строфы неясен. Здесь предлагается лишь одна из возможных интерпретаций.

Или буду славить лук¹⁰⁷
Артемиды¹⁰⁸ и золотой
ампикс,¹⁰⁹ стоя среди юниц¹¹⁰ делосских?¹¹¹

В городе Паллады ли¹¹²
на шафранном пеплосе
для Афины умело я
пёстрыми нитями
запрягу кобылиц её
в колесницу прекрасную¹¹³
или вышью, как в смертный сон
род Титанов¹¹⁴ поверг
Зевс Кронид¹¹⁵ пыланьем двойным?¹¹⁶

Дети наши бедные!
И отцы, и родина,
горьким дымом охвачена,
съедена пламенем,
копьями аргивян взята!
На чужбине рабынею
буду, от Азии вдали,
променяю Аид

---

¹⁰⁷ Артемида (римская Диана) – дева-охотница, и лук является одним из её главных атрибутов.

¹⁰⁸ Шеппард (с. 71): «Именно в храме Артемиды <...> женщины искали прибежища в ночь разрушения Трои».

¹⁰⁹ Ампикс (ἄμπιξ) – головная повязка, вроде лёгкой диадемы. Она покрывала лоб и завязывалась сзади. Обычно включала в себя тонкие пластины из золота или серебра. Были ампиксы, сделанные с большим искусством и украшенные драгоценными камнями. Наверное, такой богатый ампикс и преподносился Артемиде.

¹¹⁰ Поскольку Артемида – девственница, то и процессия в её честь состоит из девушек.

¹¹¹ Грегори (с. 100-1): «Члены хора проявляют ясно женскую чувствительность, когда задерживают своё внимание на рождении детей Лето <...>, и на изготовлении <...> пеплоса Афины <...>. Характерно то, что они думают о танце в честь Артемиды, а не её брата».

¹¹² Т.е. в Афинах. Ковач (с. 441): «На великих Панафинейских празднествах в честь божества-хранителя города богине [Афине – В.] преподносили новый пеплос, связанный дочерьми именитых граждан. Еврипид позволяет хору проигнорировать здесь реальную ситуацию, поскольку рабыни не могли принимать участие в вязании». Ковачу можно возразить, что Еврипид вряд ли игнорирует что-либо, но, скорее, опять создаёт излюбленный им эффект горькой иронии. Девушки либо не знают, что им, как рабыням, ничего такого прекрасного не предстоит, либо просто позволяют себе помечтать немного, представляя себя на месте свободных людей и разделяя с ними радости, которые будут им доступны только в воображении. Панафинеи (или Панафинейские игры/празднества) (Παναθήναια) – самые крупные религиозно-политические празднества в античных Афинах, проводившиеся в честь покровительницы города богини Афины. Проводились Большие и Малые Панафинеи, Малые ежегодно, а Большие раз в четыре года.

¹¹³ Так в оригинале («ζεύξομαι τὰς καλλιδίφρους πόλους»). Т.е. вышью их запряжёнными в прекрасную колесницу, запрягу их своим вышиванием. Ср. перевод Анненского: «Нитями пёстрыми буду || Пеплос её шафранный || Я украшать, запрягая || Дивной коней в колесницу».

¹¹⁴ Грегори (с. 102-3): «Это Гиганты, младшие братья Титанов. В греческой литературе существует тенденция соединять [conflate] две группы, которые обе взбунтовались против олимпийских богов».

¹¹⁵ Зевс называется Кронидом, потому что он сын древнего верховного бога Крона (или Кроноса).

¹¹⁶ Т.е. молнией, пылавшей с обоих концов. Сохранились античные изображения таких молний.

на европейский сирый кров!¹¹⁷

ТАЛФИБИЙ¹¹⁸

Где тут мне бывшую царицу Илиона,
Гекубу, отыскать? Вы знаете, троянки?

Хор Она перед тобой, у ног твоих лежит,
Талфибий,¹¹⁹ на спине, завёрнутая в пеплос.¹²⁰

Тал. О, Зевс! Что тут сказать? Ты род людской хранишь ли?

Ты по заслугам ли своей добился славы
фальшивой, если есть и вправду род богов?¹²¹

А, может, за людьми лишь случай надзирает?
Не это ль госпожа фригийцев многозлатных,¹²²

не это ли жена великого Приама?

Весь город у неё копьём опустошён,
и, дряхлая раба, детей своих лишившись,
несчастной головой лежит она во прахе!

Кошмар! Хоть я и стар,¹²³ но предпочту скончаться,
чем в этакий позор быть ввергнутым судьбой!

Вставай, несчастная! Из праха поднимайся!

Вскинь голову свою, до белизны седую!

Гек. Эх! Кто тут не даёт измученному телу
спокойно полежать? Кто б ни был ты, уйди!¹²⁴

Тал. Талфибий пред тобой, слуга мужей данайских.

---

¹¹⁷ В наше время это уже не кажется большим горем, а для многих такой переезд был бы даже великой удачей. Однако в древности Азия была центром мира, а Европу там считали захолустьем. Хор явно предпочитает находиться в Аиде, чем в Европе.

¹¹⁸ Талфибий (Ταλφύβιος) – вестник царя Агамемнона.

¹¹⁹ Грегори (с. 104): «Троянки обращаются к нему по имени, одновременно опознавая его для аудитории и давая понять что он для них знакомая фигура». Грегори не обязательно права в том, что Талфибий знаком Хору. Греческая трагедия часто не обращает внимания на подобные нюансы.

¹²⁰ Страшная картина полного падения некогда величественной царицы. Выраженная простыми, даже обыденными словами, она оказывает ещё большее воздействие. Анненский не улавливает необходимости следовать за Еврипидом в простоте изложения и, как обычно, предпочитает выражаться напыщенно и приблизительно (не говорит, что царица лежит на спине: это, видимо, ему кажется недостаточно поэтичным), тем самым снижая драматический эффект: «Да вот она, Талфибий, тёмной ризой || Отделена от мира - на земле...» Хэдли (с. 67): «Редакторы изо всех сил стараются объяснить, что Гекуба лежит на спине потому, что её спутницы так её положили, чтобы она пришла в себя после обморока. Может быть, они также потрудятся объяснить, почему спутницы одновременно с этим не распустили её одежды, ведь, конечно, человеку в обмороке не годится лежать [завёрнутым в пеплос]». К этому можно добавить, что Гекуба могла им просто не позволить убрать или распустить пеплос. Заворачивание себя с головой было традиционным жестом горя. С тем, что Гекуба лежит на спине, согласны не все комментаторы. См., например, Шеппард (с. 72): «[Можно представить себе, что] Гекуба лежит на спине. Однако греческая фраза означает не то: она просто съёжилась, согнулась спиной вперёд, присев, так что видна лишь её спина, которая находится как бы “на земле”».

¹²¹ Эта строка неловко вписывается в текст и поэтому считается подложной.

¹²² «τῶν πολυχρύσων Φρυγῶν»

¹²³ Ковач (с. 443): «Здесь считается, что старики жаждут долгой жизни». Ср. похожее высказывание отца Адмета в «Алкесте» (669-71).

¹²⁴ Грегори (с. 106): «Гекуба теперь говорит две строки, Талфибий одну [вторая считается подложной – В.], Гекуба три, Талфибий три, а [потом] Гекуба семь. Такие неравномерные реплики характерны для стихомифии, предваряющей речь вестника».

- Пойдём, любезная. Так хочет Агамемнон.¹²⁵
- Гек. Ах, драгоценнейший! Ахейцы на могиле зарежут и меня? Вот радостная весть! Скорей же! Поспешим! Иди, старик! Я следом!
- Тал. Убита дочь твоя. Ты, женщина, могла бы её похоронить. Меня к тебе прислали сыны Атридовы и всех ахейцев рать.
- Гек. Что хочешь ты сказать? Что ты сюда приносишь не смертный приговор, но горестную весть? Мертва ты, доченька! Оторвана от мамы! И я, несчастная, бездетна без тебя!¹²⁶ Как с ней расправились? Хотя бы с уваженьем? Иль дело страшное, старик, вы совершили, как над врагом? Скажи, пусть доброго не скажешь!
- Тал. Так, женщина, ты мне удвоишь прибыль слёз¹²⁷ по дочери твоей. О горе повествуя, заплачу, как тогда, у гибельной гробницы. Присутствовала вся ахейская дружина, когда мы дочь твою к могиле привели. Сын Ахиллеса, сжав запястье Поликсены,¹²⁸ взошёл с ней на курган, и я был с ними рядом. Бойцы отборные из юношей ахейских,¹²⁹ готовые сдержать любой прыжок твоей телицы,¹³⁰ подошли. Тут чашу золотую, до кромки полную,¹³¹ Ахиллов отпрыск поднял для возлияния отцу, сигнал давая, чтоб всем ахейцам я молчанье возвестил. Я плечи выпрямил и крикнул в гушу войска: «Ахейцы, тишина! Пусть армия умолкнет!

¹²⁵ Эта строка считается подложной.

¹²⁶ Гекуба ещё не знает, что Полидор тоже мёртв. У неё осталась лишь одна Кассандра.

¹²⁷ Грегори (с. 108-9): «Парадоксальное удовольствие, получаемое от слёз, признаётся в *Илиаде* <...> и часто упоминается Еврипидом». Плача, человек получает некое облегчение, которые называется Еврипидом «прибылью».

¹²⁸ В Древней Греции для мужчины было совершенно непозволительно касаться женщины, если она не была ему ни женой и ни близкой родственницей (я не имею в виду гетер, рабынь и незаконные любовные связи). Жест Неоптолема говорит о том, что Поликсена перешла в положение жертвы и находится в обладании того, кто эту жертву приносит. Грегори (с. 109) говорит, что этот жест, «символизирующий контроль или обладание одного человека другим», можно видеть на древнегреческой вазовой живописи.

¹²⁹ Ещё одно нарушение реализма. Троянская война длилась десять лет. Чтобы быть теперь юношами, эти молодцы должны были отправиться в поход детьми.

¹³⁰ О Поликсене уже говорится как о жертвенном животном. Эти молодые люди пришли не для того, чтобы, как переводит Анненский, «держать её в минуту содроганий», а чтобы поймать её, если она попытается прыгнуть вниз с кургана и убежать. Конечно, шансов у неё не будет никаких, но это испортит обряд, потому что будет ясно, что жертва не даёт согласия на свою смерть.

¹³¹ Хэдли (с. 69): «Это предварительное возлияние, видимо, представляет собою вино или же смесь мукí, мёда и [оливкового] масла».

Молчанье полное!»¹³² И море сразу стихло.¹³³
 Неоптолем¹³⁴ сказал: «Отец мой Пелеид,
 ты ныне будь моим утешен возлияньем,
 отрадой мертвецов! Приди к девичьей крови,
 напейся чёрного, беспримесного дара
 от войска и меня! Будь благосклонен к нам,
 кормила отпусти, отдай судам канаты,
 благополучно нам позволь от Илиона
 отплыть на родину и всем свой дом увидеть!¹³⁵
 Вот так молился он, и войско вместе с ним.
 Потом из ножен меч, весь золотом покрытый,
 он вынул и бойцам, из юношей аргивских
 отобранных, дал знак, чтоб девушку держали.
 Она заметила и так сказала нам:
 «Аргивские мужи, сгубившие мой город,
 хочу я умереть! Меня вы не касайтесь!
 Сама я шею вам подставлю и не дрогну!
 Пускай свободная, по милости богов,
 свободно и умрёт. Ведь я, мужи, царевна!
 Среди мёртвых стыдно мне рабыней называться!»
 Гул одобрительный раздался. Агамемнон
 не трогать девушку юнцам тогда велел.
 Они же, услышав начальственное слово,
 оставили её, покорны высшей власти.¹³⁶
 Она расслышала веленье господина¹³⁷
 и кромку пеплоса рванула от плеча
 к середине живота, и обнажила груди¹³⁸

¹³² Грегори (с. 110): «Талфибий требует ритуальной тишины, чтобы предупредить произнесение какого-нибудь слова, предвещающего несчастье.» Иногда в такие моменты боги заставляли людей произносить пророческие слова. Молчание требовалось по трём причинам: (1) в знак уважения в обряде; (2) чтобы не было сказано какое-нибудь неприличное или богохульное слово; и (3) чтобы, если кто-нибудь скажет что-либо под влиянием божества, это все слышали. Тройное восклицание Талфибия подчёркивает ритуальную природу происходящего.

¹³³ Еврипид пишет слово «νῆμερος», что обычно означает безветрие на море. Перевод сохраняет этот образ. Ср. вариант Анненского: «Толпа || Застыла, как под штилем...»

¹³⁴ В оригинале просто «он». В переводе пришлось назвать Неоптолема по имени, во избежание неясности, хотя, как правило, я возражаю против замены местоимения именем собственным и предпочитаю следовать оригиналу. Вот вариант перевода с сохранением местоимения: «А он тогда сказал».

¹³⁵ Свой дом увидят далеко не все. Очень многие греки погибли по дороге. Согласно одной из древних версий, боги устроили Троянскую войну специально, чтобы освободить Землю от чрезмерно расплодившихся людей.

¹³⁶ Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными.

¹³⁷ Еврипид сохраняет контраст между внутренней свободой Поликсены и её внешним положением невольницы, у которой есть господин.

¹³⁸ Много всего было сказано по поводу этого смелого жеста Поликсены. Грегори (с. 112-3) перечисляет различные интерпретации. Обнажение груди являлось жестом скорби, оплакивания. Матери иногда обнажали свои груди перед взрослыми детьми, чтобы напомнить им об их долге перед той, которая их вскормила. Женщины обнажали свои груди в древности, как и сейчас, чтобы соблазнить мужчину. О Поликсене говорят, что она хотела приковать к себе взоры воинов, как бы повышая тем самым свою ценность в их глазах и восстанавливая часть утраченного ею социального положения. Было

великолепные, как у скульптуры некой,¹³⁹
 и, прямо на земле колени преклоняя,
 нахрабрейшие произнесла слова:
 «Вот, юноша, смотри! Вся грудь моя открыта.
 Её пронзишь? Пронзай! А если шею нужно,
 то вот и горло здесь, совсем уже готово!»
 Тот,¹⁴⁰ полон жалости, хотя и не хотя,
 дыхательный канал мечом своим разрёзал,
 и струи¹⁴¹ хлынули. Она же, умирая,
 старалась всё-таки упасть благопристойно
 и сокровенное от глаз мужских сокрыть.¹⁴²
 Когда унёсся дух сквозь гибельную рану,
 не сходно начали трудиться аргивяне,
 но те из рук своих на тело стали сыпать
 листву,¹⁴³ а те тащить сосновые стволы
 для статного костра. Кто не желал трудиться,
 от подвизавшихся выслушивал упрёки:¹⁴⁴
 «Стоишь всё, негодяй? Для девушки не держишь
 ни украшения, ни пеплоса в руках?»¹⁴⁵
 Что дар не принесёшь для безгранично храброй,

также предположено, что жест Поликсены носит ритуальную окраску, означая отрицание себя прежней на пороге иного мира. Мне кажется, что эти интерпретации слишком интеллектуальны. Поликсена мысленно уже находится в ином мире и ей совершенно безразличен как её социальный статус, так и мнение каких-то ахейских солдат. Она обнажает всю себя резким, решительным движением, открывая и шею, и грудь для удара меча. Всё остальное её уже несколько не волнует. Более того, необходимо помнить, что в древности отношение к обнажённому телу было иным, чем теперь. Египтянки ходили с обнажённой грудью, спартанки занимались гимнастикой вместе с юношами, нося лишь набедренную повязку, люди с детства были окружены обнажёнными статуями, стоявшими в храмах, на улицах и т.д. Обнажение груди для девушки не было таким уж небывалым и постыдным поступком, как это было бы, например, в девятнадцатом веке.

¹³⁹ Хэдли (с. 70): «Этот [образ] важен, поскольку говорит о совершенстве, достигнутом в пластических искусствах, а именно что [слово] <...> “статуя” часто используется для обозначения выдающейся или божественной красоты». Трогательная деталь, говорящая о том, что даже в минуту смерти Поликсена остаётся женщиной, в отличие от своей матери, которая утратит всё человеческое.

¹⁴⁰ Неоптолем.

¹⁴¹ Еврипид говорит просто «струи» (или «потоки»), «κροῦνοῖ». Он не говорит ни что они красные, ни что это потоки или струи крови. Образ получается приглушённый. Я вижу в этом намеренное нежелание смаковать подробности смерти благородной девушки. Переводчики обычно «раскрашивают» эту сцену, добавляя слово «кровь» и т.п. См. у Анненского: «Потоком кровь из раны льётся» или у Ковача: «and blood gushed forth» («и хлынула кровь»). Если кому-нибудь больше нравится раскрашенный вариант, то он волен взять такой перевод: «и заструилась кровь».

¹⁴² Трогательная деталь, говорящая о том, что даже в минуту смерти Поликсена остаётся женщиной, в отличие от своей матери, которая утратит всё человеческое.

¹⁴³ Хэдли (с. 71): «Её мужество было вознаграждено такими же почестями, какие оказывались победителям игр». В греческой литературе человеческая жизнь часто сравнивается с бегом на ристалище. Поликсена достойно завершила свой бег, одержала духовную победу над врагами и теперь вознаграждается листьями. Шеппард (с. 73): «Когда победитель возвращался с игр или завоеватель с войны, народ осыпал его листьями, подобно тому как мы бросаем цветы или конфетти.»

¹⁴⁴ Греки трудятся преимущественно ради Ахилла, но и для Поликсены тоже. В некотором смысле бывшие господа теперь, на краткое время, становятся её рабами, служат её телу. Более того, некоторые из господ, самые надменные, потому что не желают трудиться, принуждены выслушивать упрёки из-за рабыни. Для духа Поликсены это ещё две победы.

¹⁴⁵ Очевидно, от каждого требовалось принести что-нибудь из своей части награбленной добычи.

прекраснейшей души?» Сказав слова такие
о мёртвой, я тебя счастливейшей считаю
и злополучнейшей из матерей земных.

Хор Вскипело бедствие над родом Приамидов,
над родиной моей по принуждению неба!

Гек. Из бед не знаю, дочь, смотреть мне на какую,
так много их вокруг. Притронуться к одной
другая не даёт, а третья чуть поодаль
зовёт меня к себе и глушит скорбью скорбь.
Как можно не стонать от этого несчастья,
и выбросить его нельзя из головы,
но всё же ты сняла излишек боли¹⁴⁶ вестью
о мужестве своём. Не странно ль, что хлебá,
когда радушен бог, растут и на суглинках,
а почва добрая, не получив дождей,
приносит скудный плод, но человек прескверный
останется плохим, и больше никаким,
а благородному дано быть благородным,
и духу славному несчастья не вредят?
Здесь кровь играет роль? А, может, воспитанье?¹⁴⁷
Кровь, без сомнения. Но учит нас добру
и воспитание. Когда ты образован,
то зло распознаёшь в сравнении с добром.
Вот стрелы разума, свистевшие напрасно.
К аргивским воинам ступай же и скажи,
чтоб дочь не трогали, толпу не подпускали
к ребёнку моему.¹⁴⁸ Скопление солдатни
неуправляемо, а произвол моряцкий
безудержней огня. Там только трус не зверь.¹⁴⁹
Служанка старая, сходи с кувшином к морю,
воды там зачерпни, потом носи сюда.
Хочу я дочь почтить последним омовеньем,¹⁵⁰

¹⁴⁶ Даже здесь проявляется стремление античного человека к мере, гармонии во всём, и в страданиях тоже.

¹⁴⁷ По поводу этой и трёх последующих строк ведутся споры, подложны они или принадлежат Еврипиду. Нельзя ответить на этот вопрос с полной уверенностью, однако я присоединяюсь к тем, кто ставит эти строки в скобки, по той причине, что их язык непохож на обычный язык Еврипида. В данном случае я руководствуюсь не более чем интуицией.

¹⁴⁸ Гекуба находится в такой агонии, что забывает о своём положении бесправной рабыни, в ней просыпается царица. Возможно также, что геройская смерть дочери возвысила и мать в глазах её хозяев, и та чувствует, что к ней вернулось нечто от её прежнего статуса.

¹⁴⁹ Вариант перевода: «Не зверствует лишь трус». Тут, очевидно, Талфибий уходит, ничего не говоря.

¹⁵⁰ Ритуальное омовение совершалось перед свадьбой и похоронами. Здесь имеет место и то, и другое, поскольку Поликсена является невестой Аида (Грегори, с. 120; Ковач, с. 453). Шеппард (с. 74): «Если бы Поликсена осталась живой и стала невестой [т.е. если бы не было Троянской войны – В.], её мать омыла бы её священной водой реки Скамандр и одела бы её красиво к свадьбе. Теперь она может лишь омыть и умастить тело этой “невесты Аида”, и украсить её для погребального костра».

без девства девушку, невесту без венца,¹⁵¹
и обрядить¹⁵² её. Но как ей честь окажешь?
Смогу ль? Попробую. (Иначе как же быть?)
Я украшения возьму у этих пленниц,
которые живут в одном шатре со мной.
Наверное, тайком от их владельцев новых
им что-то удалось из дома унести.¹⁵³
О, родина моя! О, дом когда-то славный!
О, богатейший царь, счастливейший детьми,
Приам! И я, их мать, теперь уже старуха!¹⁵⁴
Как стали мы ничем! Как гордости своей
лишились начисто! Не мало ль мы кичились,
одна – роскошеством семейного дворца,
другой – признанием среди своих сограждан?
Какая суетность! Метания ума,
изгибы языка! Лишь тот и вправду счастлив,
кто никогда, совсем, не знал ни дня беды!¹⁵⁵

---

¹⁵¹ В оригинале красивая и плохо поддающаяся переводу строка: «νύμφην τ' ἄνυμφον παρθένον τ' ἀλάρθενον» («невесту неневестную и деву недевственную»). Хэдли (с. 73): «Вполне возможно, что Гекуба здесь имеет в виду смертный союз Ахилла и Поликсены: в этом призрачном браке её нельзя считать ни женой, ни девушкой в строгом смысле этих слов». Также возможно, что Гекуба имеет в виду брак Поликсены с Аидом. Грегори (с. 120): «Смерть молодой женщины до брака обычно уподобляется союзу с Аидом». Возражая против того, что Поликсена – невеста Аида, можно сказать, что она уже обещана духу Ахилла и, следовательно, Ахилл, а не Аид, является её женихом и супругом. Еврипид здесь предпочитает не выражаться ясно, но дать зрителю самому решить, что ждёт дух Поликсены в загробном царстве.

¹⁵² В оригинале: «πρότιθημι» - «выставить» труп для похоронного обряда. По-русски лучше, наверное, сказать «обрядить».

¹⁵³ Гекуба явно не способна мыслить ясно. Во-первых, вероятность того, что на рабынях могут быть никем не замеченные драгоценности, очень мала. Конечно, они могли спрятать их в своих вещах, но шансы на сохранение ценностей таким образом практически равны нулю. Во-вторых, даже если рабыням и удалось что-нибудь тайком унести из дома, то теперь, отдав эти ценности Гекубе, они обнаружат себя. И, в-третьих, Гекуба, кажется, не помнит рассказ Талфибия о том, что мёртвой Поликсене уже было пожертвовано множество нарядов и украшений из награбленной в Трое добычи, так что нет никакой необходимости отбирать у рабынь последнее.

¹⁵⁴ Гекуба, возможно, опять считает себя матерью всех Приамовых детей.

¹⁵⁵ То есть из людей не счастлив абсолютно никто. Шепард (сс. 74-5): «Одно из главных положений греческой религии состоит в том, что смертные не могут искать совершенного счастья: оно оставлено лишь богам. Нам, смертным, следует называться счастливыми, если на сегодняшний день с нами не приключилось большой беды. Конец речи Гекубы обладает красотой финалов многих греческих трагедий, когда страдалец спокоен, и зрители, как говорит Мильтон, “в мире и утешении” отпускаются [домой], “спокойные умом, растратив все свои страсти”. Здесь спокойствие является результатом бескорыстия Поликсены, что притупило жало страданий для Гекубы. Не осталось места для мыслей о возмездии. Эта сцена контрастирует как с первой сценой, которая окончилась взыванием о мести, так и с более поздними сценами пьесы. Хор, в том же состоянии благоговейного почтения, поёт с грустью, но без горечи, о Парисе и Елене, и о бедах, которые проистекли от их греха, заканчивая, с замечательной симпатией, мыслями о спартанских матерях, которые, как и они [участницы Хора – В.], оплакивают своих детей. Если мы вспомним, что эта пьеса была написана во время Пелопоннесской войны и что спартанцы были не только старинными врагами Трои, но и живущими врагами Афин, то мы почувствуем всю красоту этой тихой коды. Совершенная сцена, в которой печаль становится прекрасной, резко обрывается возвращением служанок, взывающих к Гекубе». Слова Гекубы перекликаются с философией Шопенгауэра, который называет счастье отрицательной категорией, не избытком радостей, но отсутствием страданий.

Хор¹⁵⁶ Беда была со мной,
мне было суждено несчастье,
как только Александр¹⁵⁷ впервые
идейскую¹⁵⁸ ель повалил,
чтобы отправиться про вздувшейся пучине
и Елену в супруги взять,
женщину красивейшую
в солнечном золоте.

Круговращеньем бед
усиливаются страдания.
От глупца одного¹⁵⁹ досталось
несчастье симунтской¹⁶⁰ земле,
погибель общая и нам, и чужестранцам.¹⁶¹
Так идейский пастух судил¹⁶²
трёх богинь, рождённых на свет
от небожителей.

Было и копьё, и бойня, очаг мой разрушили,
но стонет множество у Эвроты¹⁶³ широкого
лаконских¹⁶⁴ девушек, и слёзы льёт в домах,
и кладёт мать бездетная руку на седую
голову, начиная щёки <дряблые>¹⁶⁵ царапать
и кожу раздирать кровавым нóгтем.

СЛУЖАНКА

Подруги, где найти страдальицу Гекубу,
всех победившую, и женщин, и мужчин,
в соревоновьях зла? Никто так не увенчан!

Хор Ты что? Тебе самой не вреден твой язык?
Не знают отдыха твои¹⁶⁶ дурные вести!

Сл. Гекубе я несу ещё одну беду.¹⁶⁷

¹⁵⁶ Эта хоровая партия переведена размером оригинала.

¹⁵⁷ Имя Париса.

¹⁵⁸ Ида (Ἰδα) – гора, расположенная к югу от Трои.

¹⁵⁹ Париса.

¹⁶⁰ Симунт (Σιμόντις) или Симонти (Σιμόντις) – приток реки Скамандр, протекающей в окрестностях Трои.

¹⁶¹ Т.е. и троянцам, и грекам в одинаковой степени.

¹⁶² Парис должен был судить трёх богинь – Геру, Афину и Афродиту – и решить, кто из них самая красивая. Каждая пыталась прельстить Париса дарами. Согласно мифу, Гера пообещала Парису власть над всей Азией, Афина — военные победы и славу. Парис отдал яблоко Афродите (Киприде), которая пообещала наградить его любовью любой женщины, которую он выберет. Интересно, что Парис выносил своё решение не на основании реальных достоинств богинь, а исходя из того, какие дары те ему обещали.

¹⁶³ Эврот (или Еврот) (Ἐυρώτας) – река в Лаконии, на которой расположена Спарта.

¹⁶⁴ Т.е. спартанских.

¹⁶⁵ Считается, что в этой строке пропущено одно слово. Здесь оно восстанавливается.

¹⁶⁶ В современных изданиях «твои» исправляется на «мои», потому что комментаторам кажется, что так будет лучше.

¹⁶⁷ Наверное, при этом она указывает головой на завернутое тело, которое несёт на руках.

- Легко ли смертному благоглаголить в горе?
- Хор Да вот она идёт, покинув свой шатёр,
как раз ко времени, чтоб твой рассказ послушать.
- Сл. Наинесчастливая превыше всяких слов!
Мертва ты, госпожа, хотя и видишь солнце!
Погибла без детей, без мужа, без страны!
- Гек. Нашла мне новости! Твоя хула известна.
Но Поликсену ты зачем сюда несёшь,
ведь сообщили нам, что все ахейцы рьяно
захоронение готовят для неё?
- Сл. В неведении своём она о Поликсене
тоскует, не узнав про новую беду.
- Гек. Ах я несчастная! Не вёщей ли Кассандры,
пророчицы моей, ты тело принесла?
- Сл. Кричишь ты по живой, о мёртвом же не стонешь.
На непокрытое ты тело посмотри!¹⁶⁸
Надеялась ли ты увидеть это чудо?¹⁶⁹
- Гек.¹⁷⁰ Ах, что же вижу я! Мой мёртвый Полидор,
мой сын, спасавшийся под кровлею фракийца!
Совсем пропала я! Всё, больше нет меня!
Сыночка, сынок!
Ай-ай! Я песню завожу
дикую, лишь теперь познав
мщение духа зла!¹⁷¹
- Хор¹⁷² Ты видишь, бедная, уничтоженья сына?
- Гек. Невероятные, невиданные вещи!¹⁷³
Новые, новые бедствия идут ко мне!
Мне не узнать ни дня без неутешных слёз,
без причитаний!

¹⁶⁸ При этих словах Служанка, видимо, снимает покров с тела.

¹⁶⁹ В оригинале – «θαῦμα» («чудо, диво»). Признаться, несколько странное слово в данном контексте, однако Служанка не испытывает такой боли, как Гекуба, и больше думает о том, как поразительно было найти тело Полиместора на берегу моря.

¹⁷⁰ Гекуба начинает говорить преимущественно дохмием – размером, часто использовавшимся в трагедии для выражения плача, горевания и проч. Дохмии Гекубы переведены размером оригинала. Заметьте, что и Корифей, и Служанка отвечают ей обычным ямбическим триметром (в переводе – шестистопным ямбом), потому что они обе более собранны и не страдают так, как их бывшая госпожа. Более того, контраст в стихотворных размерах создаёт некую пропасть между Гекубой и остальными, показывая, как она одинока в своей боли.

¹⁷¹ В оригинале – «ἀλάστορ» («дух мщения»). По верованиям греков, этот дух преследовал смертных, насылая на них всяческие беды либо в отместку за совершённые проступки, либо по велению рока. Гекуба только сейчас познала всю глубину своего несчастья.

¹⁷² Во всех известных мне изданиях (включая перевод Анненского) эта реплика отдаётся Служанке, лишь у Диггла её произносит Корифей. Диггл не даёт никаких объяснений. Опечатка?

¹⁷³ В оригинале каждое прилагательное повторяется: «ἄλιστ' ἄλιστα, καὶνὰ καὶνὰ δέρκομαι», что значит «Невероятные, невероятные, странные, странные (или: новые, невиданные) (вещи) я вижу». К сожалению, эти повторы нельзя передать в переводе, потому что русские слова длиннее греческих. Приходится полагаться на аллитерацию, чтобы хоть как-то отобразить плотность греческой строки. Можно попробовать слегка перефразировать строку, чтобы включить эти повторы: «Нет-нет, не верю я! Как странно всё, как странно!» Читателю предлагается выбрать вариант, который ему больше нравится.

Хор Ужасны, сирая, ужасны наши беды!
Гек. Сын, сыночек мамы злополучной,
как ты погиб, какой повергнут ты судьбой,
кто же убил тебя?
Сл. Того не ведаю. На берегу лежал он.
Гек. Пучиной выброшен? Пронзён лихим копьём,
гладкий песок он мял?
Сл. Был морем вынесен, бушующим прибоем.
Гек. Горе! Ай-ай!
Вот и понятно видение
моих спящих глаз (нет, чернокрылый сон
не позабылся мной).
Мне привиделось, что ты,
сыночка, мёртв, что Зевсов ты не видишь свет!
Хор Но кто его убил? Ты сон-то растолкуешь?
Гек. То был мой друг, мой друг, всадник из Фракии,
сына в том доме прятал пожилой отец!
Хор. Ты что же говоришь? За золото убил он?
Гек. Нет слов, нет имени для этих дел несносных,
грешных, непостижимых! Где права гостей?¹⁷⁴
Ах ты, проклятый! Как ты искромсал его,
как порубил своим железным мечом
тело ребёнка! Ах, безжалостный зверь!

АГАМЕМНОН

Гекуба, что стоишь и не хоронишь дочь?
Талфибий мне сказал, что ты сама просила
аргивских воинов дитя твоё не трогать.
Так мы оставили, не тронули её.
А ты всё мешкаешь. Мне это непонятно.
Пришёл я за тобой. Там всё уже пристойно,
коль о пристойности уместно говорить.¹⁷⁵
А! Что за мертвеца вблизи шатра я вижу?
Никак, троянец он? Мне пеплос неаргивский,
его закутавший, об этом говорит.
Гек. Несчастливая! К себе я ныне обращаюсь,
Гекубе.¹⁷⁶ Как же быть? Обнять ли мне колени
у Агамемнона, терпеть ли зло безмолвно?
Аг. Ты почему ко мне спиною повернулась,

¹⁷⁴ В Древней Греции существовали дружеские отношения между семьями, жившими в разных местностях. По взаимному соглашению представители этих семей имели право рассчитывать на гостеприимство и поддержку друг друга. Этот обычай взаимопомощи был очень важным во времена, когда путешествие было весьма трудным и опасным занятием. Отношения хозяина и гостя считались священными, а их нарушение рассматривалось как тяжкое преступление против богов и людей.

¹⁷⁵ Вы, наверное, помните, что Агамемнон был против убийства Поликсены.

¹⁷⁶ Гекуба какое-то время будет разговаривать сама с собой, не обращая внимания на реплики Агамемнона. Этот драматургический приём вполне мог быть изобретён Еврипидом.

- ревёшь, не говоря, в чём дело? Это кто?¹⁷⁷
- Гек. А если он меня, невольницу, врагиню, коленом оттолкнёт, то боли мне прибавит!
- Аг. Не прорицатель я и не могу, не слыша, понять, каким путём направился твой ум!
- Гек. А вдруг я не права, врагом его считая? Вдруг он относится ко мне без неприязни?
- Аг. Раз не желаешь ты, чтоб я узнал об этом, то мы в согласии. Я слушать не хочу.
- Гек. Мне за детей моих не отомстить, конечно, без помощи его. Зачем я рассуждаю? Давай попробуем, успешно или тщетно! Я бороды твоей касаюсь, Агамемнон, колен касаюсь я, удачливой десницы!¹⁷⁸
- Аг. О чём хлопочешь ты? Неужто чтоб свободной окончить жизнь свою? Устроить это просто.¹⁷⁹
- Гек. Не надо этого. Воздать бы мне злодеям, а я готова век рабыней оставаться.¹⁸⁰
- Аг. Какой же помощи тогда от нас ты просишь?
- Гек. Нет, вождь, я не о том, о чём ты мог подумать. Ты видишь мёртвого, по ком я плачу слёзно?
- Аг. Да, разумеется. И что всё это значит?
- Гек. Я родила его, под поясом носила.¹⁸¹
- Аг. Кто это, бедная? Который твой ребёнок?
- Гек. Нет, он не Приамид, под Илионом павший.
- Аг. Ты разве, женщина, другим дала рождение?¹⁸²
- Гек. Напрасно, кажется. Его теперь ты видишь.
- Аг. А где он прятался, когда горел твой город?
- Гек. Он выслан был отцом, за жизнь его дрожавшим.
- Аг. Куда уехал он, один из всех потомков?
- Гек. Вот в этот самый край, где найден бездыханным.
- Аг. Здесь господствует какой-то Полиместор?
- Гек. Сын стражем золота горчайшего поехал.
- Аг. А кто убил его? Какой судьбой он встречен?

¹⁷⁷ Указывает на труп Неоптолема.

¹⁷⁸ Это формальная мольба о помощи, которая ставит Агамемнона перед необходимостью сделать выбор, помогать или нет.

¹⁷⁹ Гекуба – рабыня Агамемнона, и он волен поступать с ней, как ему вздумается. Он может её убить, если ему так захочется, или отпустить на все четыре стороны. Более того, Агамемнон наверняка чувствует угрызения совести за то, что ему не удалось спасти Поликсену, поэтому он мог бы дать свободу её матери в качестве компенсации.

¹⁸⁰ Эта важная реплика Гекубы отсутствует в некоторых рукописях и порой удаляется редакторами. Я согласен с Грегори (с. 135), что этого делать не следует.

¹⁸¹ В оригинале – «τοῦτόν ποτ' ἔτεκον κάφερον ζώνης ὄλο» («я родила его некогда и носила под поясом»). Гекуба считает неприличным сказать «во чреве». Можно представить, что при этих словах Гекуба указывает на свой пояс.

¹⁸² Грегори (с. 136): «Агамемнон показывает, что греки ничего не знали о Полидоре. Их незнание ещё больше помогает Гекубе интуитивно определить Полиместора как убийцу её сына; по методу исключения, он [остаётся] очевидным подозреваемым».

Гек. Кто ж, как не друг семьи? Сгубил его фракиец.¹⁸³

Аг. Злодей! Он к золоту желаньем распалился!

Гек. Как только разузнал о бедствии фригийцев.

Аг. Ты где нашла его? Принёс вам кто-то тело?

Гек. Она¹⁸⁴ подобрала у берега морского.

Аг. Пойдя искать его? Другое что-то делать?

Гек. Воды мне принести для мёртвой Поликсены.

Аг. Ваш друг убил его и в море, видно, бросил.

Гек. Блуждать по воле волн,¹⁸⁵ и как его изрезал!

Аг. Мучения твои, страданица, безмерны!

Гек. Злу места больше нет. Я стёрта, Агамемнон.¹⁸⁶

Аг. Кошмар! Знавал ли мир несчастную такую!

Гек. Нет, если не считать Несчастье человеком.¹⁸⁷

Но для чего к твоим припала я коленам,
послушай. Если ты сочтёшь мои мученья
заслуженными мной, то я терпеть их буду,
а нет, так накажи того, кто предал дружбу,
кто, не страшась богов подземных и небесных,
поступок совершил до крайности бесчестный.
Он за одним столом сидел со мною часто,¹⁸⁸
как самый первый друг, радушно принят в доме.
Всё взял, что только мог, и, выгодою движим,
убил. И пусть бы так, но даже и могилой¹⁸⁹
ребёнка не почтил, а просто бросил в море!
Рабыня нынче я и, может быть, бессильна,
но боги ведь сильны, как и закон над ними,¹⁹⁰
а именно закон даёт нам веру в небо,
способность отличать неправедность от правды.¹⁹¹
И если ты закон, к тебе сейчас пришедший,
презришь и не воздашь сполна гостеубийцам

---

¹⁸³ Хэдли (с. 82): «Репутация, которой пользовались фракийцы в Греции, не была хорошей. Они были печально известны своей жестокостью <...>. Они были швейцарцами своего времени, готовыми продать свои мечи любому нанимателю и с любой целью, а также готовыми предать падающего хозяина.»

¹⁸⁴ Показывает на Служанку.

¹⁸⁵ В оригинале интересное длинное прилагательное на полстроки – «θαλασσόπλαγκτόν» («блуждающий по морю» и т.п.).

¹⁸⁶ Шеппард (с. 77): «Эта строка трагична, потому что мы знаем, что ей предстоит ещё гораздо больше страданий».

¹⁸⁷ Это персонифицированное Несчастье, очевидно, не только вызывает страдания, но и само их испытывает.

¹⁸⁸ Эти строки (до восклицательного знака) считаются либо испорченными, либо подложными.

¹⁸⁹ В древности считалось, что душа непогребённого мертвеца не может обрести покоя. Этого страшно боялись, а во время войн, как правило, хоронили даже убитых врагов.

¹⁹⁰ Греки верили в некий вселенский закон, которому подчиняются даже бессмертные.

¹⁹¹ Можно усмотреть в этих словах отголосок того времени, когда молодой Еврипид занимался философией с великим Анаксагором. Именно потому, что мы чувствуем и постигаем присутствие некоего порядка, некоего закона, управляющего мирозданием, каким бы жестоким и несправедливым оно порой ни было, мы приходим к выводу о том, что существуют боги и высший, более справедливый мир.

и богохульникам, ломающим святыни,¹⁹²
то, значит, среди людей нет больше благородства!
Стыдясь подобного, ты отнесись с почтеньем
и жалостью ко мне, шагни, как живописец,
назад и рассмотри мазки моих несчастий.¹⁹³
Царица бывшая твоей рабою стала,
мать, гордая детьми – бездетною старухой,
без дома, без друзей, жалчайшая на свете!
Ах, я несчастная! Куда же ты уходишь?
Всё тщетно, видимо! Кругом сплошное горе!¹⁹⁴
Зачем мы, смертные, так бьёмся, изучая
науки разные, всё знать считая долгом,
а вот риторику,¹⁹⁵ правительницу мира
единовластную, не учим досконально,
платя учителям, чтоб, если будет нужно,
на сторону свою склонить кого желаем!
Как тут надеяться достичь в делах удачи?
Имела я детей, и вот осиротела,
и стала пленницей, в бесчестье уводимой,
и вижу только дым, окутавший мой город.¹⁹⁶
Притом (скорей всего, намеренье пустое –
Киприду¹⁹⁷ поминать, но пусть уж говорится¹⁹⁸)
с тобой спит дочь моя, вещательница Феба,
ее Кассандрою фригийцы называют.
Во что ты ценишь, вождь, ее ночные ласки?¹⁹⁹
Какою платой за нежнейшие объятья
ты дочь и, значит, мать пожаловать захочешь?
Для смертных темнота и наслажденья ночи

¹⁹² В порыве негодования Гекуба, очевидно, намекает на разрушение греками храмов Трои. Напоминать об этом Агамемнону – не очень счастливая мысль.

¹⁹³ Хэдли (с. 85): «Еврипид в юные годы учился живописи».

¹⁹⁴ В оригинале опять повторение – «О, несчастная я!» Греческий текст эти повторы не портят, но в переводе всё-таки нужно некое разнообразие. Для тех, кто так не считает, предлагаю вариант, более близкий букве оригинала: «Всё тщетно, кажется! Погрязла я в несчастьях!»

¹⁹⁵ В оригинале – «λεῖψος», «искусство убеждения».

¹⁹⁶ Ковач удаляет это предложение, занимающее три строки. Очевидно, ему кажется, что бедная женщина, умоляющая своего господина, не может повторяться. С этим удалением далеко не все согласны. Гекуба, отчаявшись убедить Агамемнона и находясь на грани безумия, возвращается к проговариванию своего горя, повторяя уже сказанное, как заклинание. Психологически это очень сильный ход, являющийся ещё одним свидетельством мастерства Еврипида.

¹⁹⁷ Киприда – прозвище богини любви, Афродиты, которая родилась из морской пены у острова Кипр. Обычно слово «Киприда» означает половую любовь.

¹⁹⁸ В оригинале тоже безличный глагол – «εἰρήσεται». Гекубу как бы несёт волна речи, на волю которой она отдаётся.

¹⁹⁹ Гекуба теперь прибегает к аргументации, моральная ценность которой весьма сомнительна, и за это её много критиковали уже древние комментаторы (см. Грегори, с. 143). Однако не нужно упускать из виду, что она находится в отчаянии столь полном, что готова ухватиться за что угодно, даже торговать любовью своей дочери, чтобы отомстить за смерть сына. Худшее унижение некогда великой царицы трудно себе представить, тем более что эта аргументация совсем никакая: Кассандра – собственность Агамемнона, и он никому ничего за неё не обязан.

вознаграждаются блаженством величайшим.²⁰⁰
 Послушай же меня. Убитого ты видишь?
 Он свойственник²⁰¹ тебе, ты ведь своим поможешь!
 Ещё лишь об одном сказать мне остаётся.²⁰²
 Ах, если б у меня и руки, и предплечья
 заговорили вдруг, и волосы, и ноги
 волшебным ремеслом Дедала²⁰³ ли, богов ли,
 как начали б они сжимать твои колени,
 как с плачем всячески тебя бы умоляли!
 О, повелитель мой!²⁰⁴ О, высший свет Эллады!
 Внемли моей мольбе! Да, я стара, ничтожна,
 но дай, пожалуйста, отмстить твоей рукою!
 Кровь благородная всегда ведь служит правде
 и всюду платит злом безжалостным злодеям!²⁰⁵

Хор Как странно свой закон вершит необходимость,
 соединя жизнь и снова расчлняя:
 наигорчайший враг становится нам другом,
 благожелатель же – врагом непримиримым!

Аг. Тебя и мальчика жалею я, Гекуба,
 руке просительной и горю сострадаю.
 Хочу я, чтоб злодей в угоду и богам,
 и справедливости наказан был жестоко,
 но при условии, что ты своё получишь,
 а войско не решит, что для Кассандры я
 пытаюсь умертвить правителя фракийцев.²⁰⁶
 Ведь вот какую я испытываю трудность:
 считают воины, что этот муж – им друг,
 а мёртвый сын твой – враг, и что бы я ни думал,

²⁰⁰ Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными, на мой взгляд, совершенно незаслуженно. Как пишет Грегори (с. 144), «критики имеют обыкновение браковать подобные общие утверждения, не принимая во внимание любовь древних к афоризмам».

²⁰¹ Убитый Полидор является братом сожительницы Агамемнона. Назвать его на этом основании «свойственником» вождя греков можно лишь с большой натяжкой, однако аудитория, уже находясь на стороне Гекубы, может не обратить внимания на такую тонкость.

²⁰² Это – часть как бы внутреннего монолога Гекубы, которая оценивает и выстраивает свою речь.

²⁰³ Дедал (Δαίδαλος) – мифологический изобретатель и живописец, отец Икара. Согласно древнему комментарию к этим строкам, Дедал создавал статуи, которые могли двигаться и говорить (см. Грегори, с. 145 и Хэдли, с. 87).

²⁰⁴ Шеппард (с. 77): «Гекуба, царица Трои, никогда [раньше] не называла ни Агамемнона, ни кого-либо другого, повелителем». Хэдли (с. 87): «Пафос этого обращения падшей царицы к её “повелителю” [поистине] велик».

²⁰⁵ Шеппард (с. 78): «Заключительное двустипшие провозглашает грубый закон возмездия, согласно которому поступит сама Гекуба. Когда сочинялась эта пьеса, лучшие умы, такие как ум Сократа, отрицали правильность [этого закона]. “Почитай богов, родителей, чужеземцев [strangers] и законы», – гласит древняя греческая мораль, но также “Причиняй вред своим врагам любыми возможными способами”. Древний закон возмездия был “око за око” и т.д. Однако Сократ и те, кто, как Еврипид, думали одинаково с ним, верили в высший закон, требующий от нас делать добро как врагам, так и друзьям, потому что, если мы вредим врагу, мы на самом деле вредим самим себе».

²⁰⁶ Грегори (с. 147): «Гекуба, упомянув отношения Агамемнона с Кассандрой <...>, ненароком напомнила царю об обвинениях, выдвинутых на собрании двумя сыновьями Тезея».

- мои симпатии они не разделяют.
 Ты взвесь мои слова. Готов я и помочь,
 и быстро прибежать, когда нужна защита,
 но замедляю шаг под критикой ахейцев.²⁰⁷
- Гек. Вот как!
 Никто среди людей не может быть свободным.²⁰⁸
 Тот служит золоту, а этот – раб судьбы,
 тому – сограждане, а этому – законы
 веление души исполнить не дают.
 Но раз боишься ты и черни потокаешь,²⁰⁹
 от страха я тебя сейчас освобожу.
 Будь мне сообщником лишь в знании о каре
 убийце этому, но в действии не будь.
 А если зашумят и ринутся ахейцы
 фракийца от беды заслуженной спасать,
 сдержи их как бы сам, совсем не мне в угоду.
 Всё прочее – крепись – устрою я одна.
- Аг. Но как? Что сделаешь? Дряхлеющей рукою
 поднимешь острый меч и варвара убьёшь?
 Подсыплешь яд ему? Помощников отправишь?
 Да кто с тобой пойдёт? Где взять тебе друзей?
- Гек. В шатре скрывается толпа моих троянок.
 Аг. Невольниц эллинов? Про этих говоришь?
 Гек. Они помогут мне с убийцей расквитаться.
 Аг. Неужто женщины мужчину победят?
 Гек. Ужасны женщины, сплочённые коварством.
 Аг. Ужасны. Только я не верю в силу их.²¹⁰
 Гек. А что? Не женщины сгубили род Египта²¹¹
 и Лемнос от мужчин очистили ножами?²¹²
 Мы вот что сделаем.²¹³ Без дальних рассуждений
 вот этой женщине позволю пройти сквозь войско,

²⁰⁷ Агамемнон – не самый храбрый воин, однако здесь он действительно говорит правду, а не пытается найти оправдание своей нерешительности. Даже непобедимый Ахилл боялся сплетен и порицаний своих воинов. Слава, репутация для античного героя – это всё, а её очернение гораздо хуже смерти.

²⁰⁸ Шеппард (с. 78): «Гекуба, рабыня, вдруг видит, что царь Агамемнон сам не свободен – его характер делает его рабом общественного мнения и личной страсти».

²⁰⁹ При обычных обстоятельствах царь и герой Агамемнон был бы оскорблён такими словами, однако теперь, чувствуя укоры совести, он позволяет Гекубе произнести их безнаказанно.

²¹⁰ Шеппард (с. 79): «Когда Агамемнон приедет домой, он поймёт свою ошибку».

²¹¹ Данай (Δαναός) – сын египетского царя Бела и брат Египта (в данном случае Египет – это имя человека). Получил прорицание, что погибнет от руки зятя. Его пятьдесят дочерей взяли себе в мужья сыновей Египта и во время брачной ночи, по сговору, перебили их. Лишь Гипермнестра послушалась отца и сохранила жизнь своему мужу, Линкею. По одной из версий, от руки Линкея впоследствии и погиб Данай, и его дочери. За преступление мужеубийства Данаиды были осуждены на том свете, в царстве Аида, бесконечно наполнять бездонную бочку.

²¹² Ковач (с. 479): «Женщины острова Лемнос начали испускать омерзительный запах по воле Афродиты, которой они перестали поклоняться. Их мужа привезли себе сожительниц из Фракии, и в отместку [женщины] поубивали всех мужчин, кроме Фоанта, которого пощадила его дочь Гипсипила».

²¹³ Грегори (с. 151): «В этот момент Гекуба, кажется, полагает, что уже заручилась поддержкой Агамемнона; соответственно, она воздерживается от мольбы».

а ты²¹⁴ отправься в путь и объяви фракийцу:
«Гекуба, бывшая царица Илиона,
тебя зовёт к себе, с твоими сыновьями.
Не меньше вам, чем ей, необходимо это.
Она расскажет, что.» А с телом Поликсены,
убитой ранее, помедли, Агамемнон,
пусть в пламени одном сожгут её и брата,
два горя матери, а там уж похоронят.

Аг. Добро, пусть будет так. Ещё не может войско
отплыть, а то тебе не смог бы я помочь.
Нам бог пока не шлёт ветров благоприятных
и вынуждены мы погоды смиренно ждать.
Ну что ж, удачи вам! И граждане простые,
и в целом городá желают, чтоб злодей
от зла и пострадал, а честный был счастливым.²¹⁵

Хор²¹⁶ А тебе, Илион-отец,
городом несломленным уж не назваться,
туча эллинов над тобой нависает,
ко́пья, ко́пья метая!
Башен венчики срезаны,
весь ты пятнами копоти
вычернен! Стал таким ты жалким!
Не войти мне в тебя, несчастной!

В час полночный погибла я.
После пиршества сладкий сон растекался
по глазам, песни отзвучали, супруг мой,
наплясавшись вкруг жертвы,
в спальне лёг, а копьё своё
он повесил на колышек,²¹⁷
не видя моряков, идущих
толпой на Илион троядский.²¹⁸

Я усмирила локоны,

---

²¹⁴ Обращается к Служанке.

²¹⁵ Григори (с. 152): «Разрешив свой конфликт лояльностей <...> с помощью Гекубы, Агамемнон в своём заключительном рассуждении возвращается на позицию эффективного лидера, способного служить общим интересам индивидуума и общества».

²¹⁶ Эта хоровая партия переведена размером оригинала.

²¹⁷ Григори (с. 156): «Эта деталь – оружие, повешенное на стеной колышек <...>, создаёт образ уязвимости города, который ослабил свою бдительность».

²¹⁸ Греки обманули троянцев, сделав вид, что отплыли домой, а потом, когда те заснули после радостного пира, вернулись. Воины, прятаясь в Троянском коне, открыли им городские ворота. Трояда (Τρωάς) – древнее название полуострова на северо-западе Малой Азии, где находился город Троя.

повязкою их обвязав,²¹⁹
глядя в бездонные лучики золотых зеркал,²²⁰
и хотела уже упасть на ложе,
как шум по крепости прошёл
и клич над городом троянским взлетел:
«О, сыны элладские, скоро ль домой
вы поплывёте, спалив
акрополь илионский?»

Постель желанную покинув,
нося лишь пеплос, как дорийка,²²¹
к священной Артемиде²²² напрасно припала я.
На глазах моих муж лишился жизни,
меня же морем увезли.
Смотря на город с мчащегося домой
быстроногого корабля,²²³ уносясь
от илионской земли,
я тяжело зарыдала,

Елену, Диоскуров сестру, с пастухом горы Идейской,
гиблым Парисом, кляня –
меня ведь уничтожил, с отцовской
земли прогнал, оторвал
от дома небрачный их брак,

---

²¹⁹ В оригинале – митра («μίτρα») (во множ. числе). Так у Анненского: «Я же локоны на ночь густые || Убирала под митру». Однако я согласен с Грегори (с. 156), что митру, хотя она и является восточным головным убором, троянки вряд ли надевали на ночь. Очевидно, здесь имеется в виду ночная повязка или сетка. Впрочем, если кто-нибудь настаивает на митре, то вот вариант с митрой: «Я волны локонов своих || под митру на ночь убрала».

²²⁰ В оригинале – «зеркал» (ἐνὸπτρον). Грегори (с. 157) считает это «поэтическим множественным числом», т.е. что Еврипид имеет в виду одно зеркало, а пишет, так же как и в случае с митрой, множественное число для достижения поэтического эффекта. Это вполне возможно. Еврипид и в самом деле часто прибегает к такому приёму. С другой стороны, множественное число тоже имеет смысл, и некоторые комментаторы сохраняют его в переводе, например, Н.Е. Коллиндж [N.E. Collinge] (цит. Грегори, с. 157), считающий, что женщина держит одно зеркало в правой руке и одно в левой, чтобы рассмотреть свою причёску и спереди, и сзади (очевидно, она надеется, что ее захмелевший муж проснётся). В пользу двух зеркал, на мой взгляд, говорят два обстоятельства. Во-первых, не следует менять множественное число оригинала на другой вариант, который представляется нам лучшим, если во множественном числе может заключаться свой смысл, как в данном случае (но не в случае с митрой – две митры надеть на голову можно, но женщина не стала бы этого делать, а вот взять в руки по зеркалу – другое дело). Во-вторых, фраза «бездонные лучи» или «бесчисленные лучи» («ἀτέρμονας αὐγὰς») может намекать как на глубину зеркала, так и на эффект бездонности, получающийся, когда зеркала отражаются одно в другом. Женщина могла взять два зеркала, чтобы рассмотреть свою причёску, и застыть, замороженная их бездонным золотым взаимоотражением – последним светом своего счастья и благополучия. По поводу золота см. Хэдли (с. 92): «Упоминание зеркал, наверное, опять является лёгким анахронизмом. Гомер не говорит о них, и самые ранние [образцы] не датируются, кажется, более древним временем, чем 500 г. до н.э. Мы часто слышим о серебряных и бронзовых зеркалах, но не о золотых. Поэтому <...> можно предположить, что этот эпитет был выбран поэтом для подчёркивания картины роскошной непринуждённости, чтобы таким образом оттенить контраст».

²²¹ Т.е. спартанская девушка. Они одевались более свободно, чем остальные гречанки.

²²² Артемиды была на стороне троянцев.

²²³ Корабль здесь персонифицируется.

зловещий демон мести!
Пусть морской простор не даст вернуться ей,
пусть никогда не увидит дома!²²⁴

ПОЛИМЕСТОР

Милейший друг, Приам! Любимейшая сердцем²²⁵

Гекуба! Я в слезах на город твойзираю,
на доченьку твою, убитую недавно!

Вот горе-то!

Ни веры больше нет, ни чести, ни надежды,
что благоденствие не сменится несчастьем!

Да, боги смертными то так, то этак вертят,
запутывая нас, чтоб мы им поклонялись
в своём невежестве! Но стоит ли крушиться,
поправят ли беду все наши причитанья?

Ты ведь винишь меня, что не был я с тобою?
Не надо! Вглубь страны поехал я фракийской,
когда явилась ты. Едва успел вернуться,
как ринулся к тебе, но у дверей столкнулся
с твоей служанкою, про всё мне рассказавшей.

Я выслушал её и прибежал мгновенно!

Гек. Стыжусь тебе в лицо смотреть я, Полиместор,
совсем затянута пучиною несчастий.²²⁶

В присутствии того, кто видел мой недостаток,
мне совестно теперь явиться неимущей
и трудно на тебя взглянуть спокойным взглядом.

Ты только не сочти, что я тебе враждебна.

К тому же не велит обычай, Полиместор,
чтоб женщины мужчин разглядывали явно.²²⁷

---

²²⁴ Этому проклятию не дано было исполниться. Елена благополучно вернулась домой, в Спарту.

²²⁵ Эта строка иногда объявляется подложной, потому что Приама уже нет в живых и Полиместор не может к нему обращаться. Однако возможно и такое объяснение: находясь перед царицей Трои, хотя и низложенной, опытный льстец сначала выказывает почтение духу ее мужа, чтобы показать, что Приам, даже мёртвый, для него жив и остаётся ему другом.

²²⁶ Гекуба питает такое отвращение к Полиместору, что не может заставить себя взглянуть ему в глаза. Чтобы не выдать себя, она пытается объяснить своё поведение. Шепард (с. 80): «Гекуба не смеет взглянуть на Полиместора, боясь, что в её глазах будет видна ненависть. Она притворяется, что чувство бесчестья, вызванное контрастом между её несчастьем и бывшим величием, является причиной». Грегори (с. 163): «Как отказ Гекубы встретиться взглядом с Полиместором можно было выразить актёру в маске? Самое простое решение – она могла [вернее, он мог – В.] стоять перед ним с опущенной головой». Грегори далее пишет, что Ковач предполагает, будто лицо Гекубы покрыто вуалью, а Маркович – что она поворачивается к Полиместору спиной, однако такая неожиданная реакция была бы, наверное, упомянута в тексте. Добавим от себя, что во всём этом нет никакой необходимости, поскольку мы имеем дело с древним театром, который предпочитает описание действия самому действию. Слов Гекубы вполне достаточно. Не нужно ни опускать голову, ни надевать вуаль, ни поворачиваться спиной.

²²⁷ Подлинность этих последних двух (а иногда и трёх) строк Гекубы подвергается сомнению. Хэдли (с. 94): «Слабые строки: такая девичья сдержанность не ожидалась бы от женщины возраста и положения Гекубы. Она не смотрит прямо на Полиместора, чтобы не выдать себя выражением своего лица и не заставить своего врага насторожиться». Мне тоже эти строки кажутся лишними после предыдущего объяснения, однако они вполне в стиле Еврипида, и для их удаления нет несомненных оснований.

- Пол. Неудивительно! Ко мне-то что за дело?
Зачем просила ты, чтоб я из дома вышел?²²⁸
- Гек. Я нечто личное тебе сказать желаю
и сыновьям твоим. Дай слугам приказанье,
чтоб отошли от нас и от шатра подальше.
- Пол. Идите! Нам одним стоять тут безопасно.
И мы с тобой друзья, и армия ахейцев
ко мне приятна. Рассказывай, однако:
чем я, удачливый, могу многострадальным
друзьям своим помочь? Я всё готов устроить.
- Гек. Скажи о мальчишке сначала, Полидоре,
которого в твой дом мы с мужем послали,
он жив ли? А потом спрошу я и о прочем.
- Пол. Конечно, жив! И в нём осталась ты счастливой.
- Гек. Мой друг! Что за слова! И как тебя достойны!
- Пол. А что ты от меня ещё узнать хотела?
- Гек. Он вспоминает ли о матери родимой?
- Пол. Пытался он сюда явиться незаметно.²²⁹
- Гек. А цело ль золото, что он привёз из Трои?
- Пол. Всё дома у меня, и в целости хранится.
- Гек. Ты береги его, добра друзей не жажди.
- Пол. Да что ты, женщина! В своём ищущи счастья!
- Гек. Тебе и сыновьям ты знаешь, что скажу я?
- Пол. Не знаю. Ты сама поведаешь об этом.
- Гек. Есть, друг возлюбленный моею всей любовью...
- Пол. Так что же нам с детьми узнать необходимо?
- Гек. ...у Приамидов клад старинный под землёю.
- Пол. Ты, значит, вот о чём сказать желаешь сыну?
- Гек. Да, с помощью твоей. Ты муж благочестивый.
- Пол. А сыновей моих зачем же призывала?
- Гек. Пусть лучше знают всё, а вдруг тебя не станет?
- Пол. Ты дело говоришь. Конечно, так мудрее.
- Гек. Ты помнишь ведь, где храм²³⁰ Афины Илионской?
- Пол. Там золото лежит? А чем тайник помечен?
- Гек. Утопленным в земле высоким чёрным камнем.
- Пол. Ты что-нибудь ещё добавить не желаешь?

---

²²⁸ Полиместор, поняв, что ему бояться нечего, становится наглым и деловитым.

²²⁹ Полиместор, сам того не подозревая, говорит правду: дух Полидора, действительно, тайно явился к Гекубе.

²³⁰ В оригинале – «στέραι». Это слово можно понимать по-разному: как «дом», «кров», «подземное убежище», «храм» и т.п. Хэдди (с. 96) считает, что имеются в виду подземные тайники, похожие на врезанные в холмы микенские гробницы. Грегори (с. 166) полагает, что речь идёт о храме Афины Илионской, упомянутой в «Илиаде» (VI.88). Ковач переводит «στέραι» как «храм», Анненский тоже. Я согласен с таким переводом, потому что троянцы не стали бы никому рассказывать о своих тайниках; на то они и тайники, чтобы о них знало как можно меньше людей. «Ты знаешь, где тайник Афины Илионской?» – такой вопрос, заданный фракийцу Полиместору, да ещё в присутствии других людей, звучит странно. Скорее всего, Гекуба спрашивает его, знает ли он, где находится храм (что он вполне может знать), а уж потом объясняет, где находится тайник.

Гек. Я деньги вывезла. Хочу, чтоб ты сберёг их.
Пол. А где они? Ты что, под пеплосом их прячешь?
Гек. Они в шатре лежат, под грудую добычи.
Пол. Да где ж? Ведь мы стоим в кольце судов ахейских!²³¹
Гек. У пленниц есть своё, отдельное жилище.
Пол. Внутри надёжное? Мужчин там не бывает?
Гек. Ахейцев нет внутри. Мы там одни ютимся.
Иди скорей в шатёр! Неймётся аргивянам
расправить паруса и плыть домой из Трои.
Когда всё сделаешь, пойдёшь с детьми твоими
туда, где мальчика ты поселил родного.²³²

Хор²³³ Ты не платил ещё, но, может быть, заплатишь.
Твой заложило трюм, тебе не спастись,²³⁴
лишишься ты всех сердечных услад,
утратишь ты жизнь. Где сходит Закон
с желаньем богов за зло покарать,
смертельна там, смертельна скорбь!
Обманчив этот путь, свела тебя надежда
в мертвящий Аид, несчастный старик,
небранной руке ты дух свой отдашь.²³⁵

Пол. (*изнутри*)
Что ж это! Горе мне! Свет глаз моих погас!²³⁶
Хор Фракиец закричал. Вы слышите, подруги?
Пол. Боль снова! Сыновья! Как ваша смерть страшна!
Хор Подруги, там, в шатре, опять случились беды!
Пол. Не верьте вы своим стремительным ногам,
шатёр я повалю и раздеру на части!
Вот вам! Вот так разит свинцовая рука!²³⁷
Хор Давай ворвёмся внутрь! Теперь настало время

---

²³¹ Т.е. в округлой гавани с пришвартованными в ней судами. Полиместору трудно поверить, что посреди ахейских судов рабыни могли спрятать большую сумму денег.

²³² Т.е. в Аид. Однако Полиместор уже слишком распалён жадностью, чтобы подумать о смысле этих слов. Он полагает, что Гекуба говорит о его возвращении домой.

²³³ Эта хоровая партия переведена размером оригинала.

²³⁴ Смысл этой строки неясен. В оригинале: «ἀλίμενόν τις ὡς εἰς ἄντρον λεσόν». Это переводят по-разному: (1) «как тот, что упал в трюмную воду, из которой нельзя выбраться»; (2) «как тот, кто упал в море, где нет гавани». Возможны и другие варианты. Я подготовил три перевода, из которых читателю предлагается выбрать тот, который его наиболее устраивает. Первый вариант в тексте, и вот ещё два: «Твой тонет корабль, пучина кругом»; «Ты в море упал, и гавани нет».

²³⁵ Т.е. ты умрёшь от руки женщины.

²³⁶ Хэдли (с. 97): «В согласии с традицией аттического театра сцены насилия не разыгрываются на глазах у зрителей, хотя им позволено слышать крики жертв».

²³⁷ В некоторых рукописях эта строка отдана Корифею. Древний комментатор считал, что Полиместор начинает швырять камни. Откуда, впрочем, им быть в шатре? Хэдли (с. 98) считает, что Полиместор мог схватить копьё или начать рукопашную схватку. Грегори (с. 171) полагает, что он имеет в виду лишь свою руку. Я согласен с Грегори. Ослеплённый злодей, разящий кулаками полумрак шатра – это уже законченная трагичная картина, и нет необходимости привносить в неё дополнительные предметы.

- союзницами стать Гекубе и троянкам!²³⁸
- Гек. Круши всё! Не щади! Выламывай и дверь!²³⁹
Тебе свои зрачки уж светом не наполнить,
не видеть сыновей! Я их поубивала!
- Хор И впрямь фракийца ты низвергла, извела?
Неужто, госпожа, ты правду рассказала?
- Гек. Сейчас перед шатром увидишь ты его,
слепца, бредущего ногой слепой, нетвёрдой,
и трупы сыновей. Обоих я убила,
троянок доблестных в помощницы призвав!
Мы разочлись. Гляди! Он из шатра выходит!
Я лучше отойду, чтоб не обжѐг меня
неодолимейший, кипящий гнев фракийский.
- Пол. Тоска! Где пройти, причалиться, встать?
Я четверолап, как хищник с горы,
иду на руках, иду на ногах!
Туда ли пойти, сюда ль повернуть,
чтоб этих убийц, троянок, схватить,
сгубивших меня?
Преступницы вы, фригийская чернь,
чтоб вы издохли!
Где же скрылись они, где попрятались все?
Ах, зренье моих кровавых очей
исцели, исцели! Верни мне
Гелиос, день мой померкнувший!²⁴⁰
А! А!
Тише! Тайные слышу теперь я шаги
этих женщин! Куда же метнуться ногой,
чтоб мяса, костей их наесться,
пир себе устроив, точно дикий зверь,
их всех наказав за этот позор,
за горе моё!
Но куда я несусь, бросив мёртвых детей,
чтоб вакханки аидовы рвали их тут,
кормили бы псов кровавой едой,
жестоко брошенной в горах?
Где встать мне, где сесть, куда мне пойти?
Словно корабль, я свой парус льняной

---

²³⁸ Это просто слова. Хору по правилам не положено вмешиваться в действие.

²³⁹ Гекуба обращается к Полиместору, всё ещё находящемуся в шатре. Непонятно, какая у шатра может быть дверь. Может быть, Гекуба в состоянии аффекта воображает шатёр домом или просто кричит что-то, особо не думая над смыслами своих слов.

²⁴⁰ Гелиос (Ἥλιος) – бог Солнца. Вариант перевода: «мир мой померкнувший».

- на канатах морских²⁴¹ подверну ли, помчусь²⁴²
детей охранять в их гибельном сне?
- Хор Твои страдания, несчастный, нестерпимы!
Дела позорные караются ужасно.
Тебя какой-то бог тяжёлой ношей давит!²⁴³
- Пол. Фракийцы, ай-ай! Где ко́пья, мечи,
где прыть скакунов, Арёсов народ?
Ахейцы, сюда! Атриды, сюда!
Зову, кричу! Придите сюда,
вас богами я молю!
Да слышит кто-нибудь? Где помощь? Что так долго?
Невольницы, рабыни
калекой сделали меня!
Страшно, страшно я пострадал!
Что за позор такой!
Как мне быть, куда податься?
Улечу я в поднебесье, в бирюзовые покои,
где Сириус, где Орион²⁴⁴ изливают пыланье лучей
из огненных глаз?²⁴⁵ Или брошусь в Аид,
сквозь чёрный поток, долой от беды?
- Хор Вполне простительно, когда мученья хуже,
чем можно вынести, расстаться с горькой жизнью.
- Аг. Пришёл я, слыша крик. Не молчаливо Эхо,
дитя скалистых гор, над войском пролетело
дрожющим отзвуком. Когда бы о фригийских
не знали башнях мы, что все они упали
под эллинским копьём, немалый был бы ужас!
- Пол. Тебя по голосу, дражайший Агамемнон,
узнал я. Видишь ли, что сделали со мною?²⁴⁶
- Аг. А!
Кто погубил тебя, несчастный Полиместор?
Кто ослепил тебя, залил глазницы кровью,

²⁴¹ Слово «морских» здесь явно тавтологично, но так в оригинале: «*πλοῦτιός τεῖσρασιν*», т.е. «на морских канатах».

²⁴² Сложный образ. Сначала Полиместор сравнивал себя с диким зверем. Теперь он вдруг сравнивает себя с кораблём. Перед короткой остановкой греческие суда подворачивали парус канатами на верх мачты, т.е. брали их на гитовы. Полиместор тоже делает короткую остановку, чтобы подоткнуть свою льняную одежду под пояс. Так она не будет путаться у него в ногах, мешая бежать.

²⁴³ Эта строка считается подложной. Если она принадлежит Еврипиду, то её нужно увязать с предыдущей строкой. Получится такой перевод: «За гнусные дела карает бессердечно || какой-то бог тебя, и давит ношей тяжкой!»

²⁴⁴ Грегори (с. 176): «созвездие Ориона-Охотника или Сириус, звезда созвездия Большого Пса, расположенная в небе у пят Ориона».

²⁴⁵ Грегори (с. 177): «Согласно теории “экстремиссии” греческой оптики, огонь, находящийся в глазах, исходит тонким потоком и смешивается с солнечным светом, создавая зрительный луч, который делает зрение возможным» <...>. Солнце, луна и звёзды представляются “видящими” согласно той же модели».

²⁴⁶ Грегори пишет (с. 178), что теперь на актёре может быть другая маска, имитирующая окровавленные глазницы. Мы знаем, что такие «дополнительные» маски использовались в эллинистический период.

убил детей твоих? Да, кто бы это ни был,
к тебе и юношам пылал он гневом страшным!²⁴⁷

Пол. Я тут Гекубою и сворой пленных женщин
сражён – и не сражён, а сгублен совершенно!

Аг. О чём ты? Это так? Ты это натворила?²⁴⁸
Гекуба, это ты была так дерзновенна?

Пол. Ах, что ты говоришь? Она тут где-то рядом?
Скажи мне, где она, чтоб я схватил руками,
порвал её в куски, залил ей тело кровью!

Аг. Эй, что́ это с тобой? Пол. Молю тебя богами,
позволь мне сжать её неистовой рукою!

Аг. Замашки варваров ты выброси из сердца,
смирись и говори! Обоих вас хочу я
послушать и понять, за что ты настрадался.²⁴⁹

Пол. Изволь.²⁵⁰ Был Приамид, юнейший сын Гекубы.
Он звался Полидор. Его ко мне из Трои
на воспитание прислал отец, Приам,
предвидя взятие троянского оплота.
Я мальчика убил. Но знай, что в этой смерти
была расчётливость и превосходный смысл.
Боялся я, что враг, в тылу твоём оставлен,
троянцев соберёт, страну благоустроит,
ахейцы же, узнав, что жив Приамов род,
фригийцев добивать отправятся походом,
а уж потом пожгут фракийские долины
и всё разграбят здесь. Соседям будет зло
троянцев. Мы же, вождь, его уже глотнули.
Гекуба вызнала о смертной доле сына
и завлекла меня, пообещав сказать
про приамидов клад, лежащий в Илионе,
ларі с их золотом. Она в шатёр втащила
меня и мальчиков, подальше от ушей.
Присел на ложе я, согнув свои колена,
троянки же ко мне, кто слева, кто отсюда,²⁵¹
подсев по-дружески, вдруг начали хвалить

²⁴⁷ Агамемнон прекрасно знает ответы на свои вопросы, но притворяется, что ему ничего не известно.

²⁴⁸ Обращается к Гекубе.

²⁴⁹ Хэдли (с. 101-2): «Еврипид наслаждался, как, несомненно, и аудитория его современников, переносом на сцену методов и образов мысли <...> судебных заседаний: доводы и контрдоводы, искусные апелляции к личной заинтересованности, предубеждение и страсть, представленные в форме риторики, всегда увлекательной, пусть иногда и немного натянутой, были отголосками повседневной жизни, приходясь весьма по вкусу остроумным афинским мужам. Менее интеллектуально заинтересованной аудитории наших дней мелодрама, с замысловатыми воспроизведениями видов великого города, доставляет похожее наслаждение».

²⁵⁰ Полиместор возвращает себе самообладание и начинает рассказывать свою версию событий. Эта способность заставляя себя успокаиваться в любой ситуации высоко ценилась в Античности.

²⁵¹ Так в оригинале: «αἱ μὲν ἐξ ἀριστερᾶς, ἢ αἱ δ' ἐνθεν», т.е. «одни слева, а другие отсюда». Очевидно, говоря эти слова, Полиместор показывает рукой направо. Если кто-нибудь предпочитает бóльшую ясность, то вот альтернативный вариант перевода: «троянки же ко мне, кто слева, а кто справа».

работу челнока, творенье рук эдонских,²⁵²
на свет разглядывать вот этот самый пеплос.
Другие, два копья фракийских увидав,
забрали у меня двойное снаряженье.²⁵³
Кто были матери, ²⁵⁴детей моих качали
с восторгом на руках и уносили их
подальше от отца, друг друга подменяя.
И тут – представь себе! – среди приветствий мирных
одни, вдруг выхватив из-под одежд мечи,
вонзают их в детей, другие же хватают,
как злобные враги, мои запястья, ноги!
Хотел я вырваться и мальчикам помочь,
лицо хотел поднять, они же вниз тащили
за волосы меня, хотел руками двинуть,
но, бедный, с женскою не справился толпой!
А под конец они – ах, горе горше горя! –
свершили страшное: схватив свои булавки,
проткнули мне глаза, раскровенив зрачки
многострадальные, а после разбежались
куда-то по шатру. Одним прыжком вскочил я,
как зверь, поднявшийся на кровожадных псиц,
обшарил стены все, как опытный охотник,²⁵⁵
стуча, долбя по ним! Вот так я настрадался,
тебе потворствуя, врагов твоих круша!
Но чтобы не вещать пространно, Агамемнон,
всё, что о женщине нам предки говорили,²⁵⁶
что сказано теперь, и что произнесут –
всё это обобщу в одной короткой фразе:
подобной твари нет ни на земле, ни в море.
Кто дело с ней имел, слова мои поймёт.²⁵⁷

---

²⁵² Эдонцы — племя, жившее во Фракии. Ткацкое искусство эдонцев славилось в античном мире.

²⁵³ Полиместор явно потерял бдительность, оказавшись в тёмном шатре рядом с молодыми женщинами.

²⁵⁴ В оригинале: «ὄσσι δὲ τοκάδες ἦσαν», т.е. «а те, которые (уже) приносили потомство». Слово «τοκάδες» чаще всего применяется к самкам животных. Может быть, здесь это слово поставлено намеренно, чтобы выразить как презрение Полиместора, так и его страх перед превращением этих женщин в сущих зверей, о котором ему сейчас предстоит поведать.

²⁵⁵ Хэдли (с. 104): «Хороший пример быстроты еврипидовского ума, которая, ведя его к метафоре, делает его неспособным к поддержанию сравнения. Преследуемая добыча, вдруг набрасываясь на своих преследователей из предыдущей строки, становится их охотником».

²⁵⁶ Хэдли (с. 105): «Как, например, Симонид Аморгский [поэт, живший в VII веке до н.э. – В.Н.], который классифицировал женщин, в соответствии с их характерными чертами, как имеющих свойства свиньи, лисицы, суки, земли, моря, ослицы, кошки, кобылицы, обезьяны, причём в самых неcomplimentарных выражениях. Впрочем, под конец он признаёт наличие класса (женщин), похожего на пчёл, чьи достоинства он восхваляет, уже не жалея, в очень красивом отрывке».

²⁵⁷ Хэдли (с. 104-5): «Из-за стоящих особняком выпадов против женщин, подобных этому, игнорируя как их подоплёку, так и героя, в чьи уста они вложены, возникает несправедливое мнение, клеймящее Евр[ипида] как женоненавистника. Для опровержения таковой необоснованной оценки не требуется серьёзного аргумента: простой констатации того, что именно Евр[ипид] создал Алкесту, Ифигению, Макарию и Поликсену, достаточно. Критика, отрицающего в этой пьесе свидетельство характера Поликсены и предпочитающего основывать своё понимание мысли поэта на безумном бреде варвара, не

Хор Не надо дерзостей! Ты все свои несчастья
на нас не сваливай, не попрекай всех женщин!
Нас много всяческих: одни достойны злобы,
другие рождены в соседстве негодяев.

Гек.²⁵⁸ Не стоит допускать, отважный Агамемнон,
чтоб у людей язык главнее дел казался.
Прилично поступив, пусть говорят прилично,
а делу мерзкому бездарный и рассказ,
не украшающий нечестье словесами.
Всем этим в тонкостях разумники владеют,
но их разумности надолго не хватает
и жалкой гибели не избежал никто.
Такое для тебя сказала я вступленье,
теперь же обращусь к нему²⁵⁹ с ответной речью.
Итак, двоякий труд²⁶⁰ с ахейских плеч снимая,
для Агамемнона ты мальчика убил.
Во-первых, негодяй, возможно ли такое,
чтоб племя варваров и эллины когда-то
друзьями сделались? И что за благодарность
ты рвался получить? Невесту там найти?
Ты родственник им всем? Ты как-то с ними связан?
Плоды земли твоей они хотели срезать,
опять сюда приплыв? Да кто тебе поверит?
Нет, ради золота, ты правду говори,
убил ты мальчика и сам так просчитался.
Ты вот что разъясни: когда блистала Троя,
и сердце города за стенами стучало,
Приам ещё был жив и Гектора копьё
цвело, ты почему к нему²⁶¹ не подольстился,
ведь мальчик рядом рос, ты мог его зарезать,
а то и привести живого к аргивянам?
Но вместо этого, когда наш свет погас

стоит даже выслушивать. Именно сочувственному отношению Еврипида к женщинам, его признанию их способности и к добру, и ко злу, его желанию открыть более широкую сферу влияния для этого пола, <...> мы обязаны галереей женских образов, непревзойдённых до появления Шекспира». Следует, впрочем, добавить, что Еврипид вкладывает подобные выпады против женщин и в уста самих женщин, например, Медеи. Сама Ифигения говорит, что один мужчина ценнее десяти тысяч женщин. Понятно желание Хэдли защитить Еврипида, однако нужно всё-таки признать, что у великого трагика были сложные отношения с женским полом, который и очаровывал его, и отторгал. Вместе с тем именно Еврипид начал глубоко изучать женскую душу, и в этом отношении он превосходит даже многих позднейших авторов.

²⁵⁸ Эта речь Гекубы всегда вызывала восхищение своей чёткой выстроенностью и ораторским искусством. Она такая же по длине, как и речь Полиместора (51 строка), но гораздо более эффективна. Шеппард (с. 84): «Гекуба излагает дело со всем искусством ораторов, которых она раньше презирала». Хэдли (с. 105): «Гекуба, после краткого вступительного обращения к Агамемнону с осуждением использования риторики для дурного дела, начинает, подобно адвокату, обнажать слабые точки и неправдоподобности в рассказе Полиместора».

²⁵⁹ К Полиместору.

²⁶⁰ Чтобы им снова не ходить войной на Трою.

²⁶¹ К Агамемнону. Актёр мог в это время указать на него.

и дым показывал, что город взят врагами,
ты гостя своего у очага прикончил!
К тому же выслушай, как выглядишь ты мерзко.
Зачем ты золото друзьям своим не дал,
ахейцам? Ведь не ты, как сам ты утверждаешь,
владел им, а вот он!²⁶² Друзья твои годами
вдали от родины лишения терпели,
а ты и в этот час не разожмёшь руки,
но хочешь, чтоб оно в твоём лежало доме!
Вот если б ты свой долг исполнил, и мне сына
взрастил и сохранил, тебе была бы слава.
В тьме бедствий светятся хорошие друзья,
а благоденствию всегда друзей хватает.
Когда б нуждался ты, а сын мой был удачлив,
то стал бы он тебе неистоцимым кладом.
А ныне он тебе не может другом быть,
нет пользы в золоте, и сыновья погибли,
и сам ты вот какой. Послушай, Агамемнон:
ему поможешь ты – сам станешь негодяем,
твой гость неправеден и с ближними лукав,
ни благочестья в нём, ни верности не видно.
Мы скажем о тебе: злодей помог злодею.
Но не пристало мне своих господ позорить.

- Хор Как смертным всё-таки даёт их правота
все основания для превосходной речи!
- Аг. Мне тягостно чужих рассуживать людей,
но делать нечего. И было бы постыдно
заняться чем-нибудь, а после отступить.
Я вот что думаю. Не для меня, конечно,
не для ахейских войск ты гостя погубил,
но чтобы золото в твоём осталось доме.
Теперь, беды хлебнув, себя ты стал белить.
Вам, видно, нипочём гостей сводить со света,
для нас же, эллинов, огромный в том позор.
Как, оправдав тебя, избег бы я упрёков?
Не получилось бы. Поскольку ты дерзнул
недобрый сделать шаг, немилый плод отведай.
- Пол. Ужасно! Кажется, рабыней побеждён я
и должен отвечать перед какой-то чернью!
- Гек. Не справедливо ли, когда ты зло свершил?²⁶³
- Пол. Ах, как страдаю я, детей и глаз лишённый!
- Гек. Страдаешь? Ну и что? А я за сына – нет?
- Пол. Глумиться рада ты, коварное отродье!²⁶⁴

---

²⁶² Полидор, чей труп всё ещё лежит на сцене.

²⁶³ Все рукописи, кроме одной, отдают эту строку Агамемнону.

²⁶⁴ Вариант перевода: «Ты наслаждаешься, коварное отродье!»

Гек. А что, не ликовать, смотря на месть мою?
 Пол. Ты скоро замолчишь, когда морская влага...
 Гек. ...меня на корабле к Элладе принесёт?
 Пол. ...сомкнётся над тобой, упавшей с верха мачты!²⁶⁵
 Гек. Кто вынудит меня оттуда соскочить?
 Пол. По воле собственной взберёшься ты на мачту.
 Гек. С крылами на спине иль как-нибудь ещё?
 Пол. Собакой станешь ты, с багряными глазами!
 Гек. Откуда знаешь ты, что я так изменюсь?
 Пол. Дионис мне сказал, фракийский прорицатель.
 Гек. Но не прорёк тебе о близящемся зле!
 Пол. Смолчал. Иначе бы меня не провела ты.
 Гек. Должна я умереть иль буду жить рабой?²⁶⁶
 Пол. Умрешь. И назовут курган твой злополучный...²⁶⁷
 Гек. Согласно, скажешь ты, с наружностью моей?
 Пол. ...«Собачьей насыпью».²⁶⁸ Судам он знаком будет.
 Гек. Мне это всё равно, ведь я с тобой сочлась.
 Пол. Добавлю, что убьёт и дочь твою, Кассандру...²⁶⁹
 Гек. Плевать мне на тебя! Сам это претерпи!
 Пол. ... супружница его,²⁷⁰ страж дома беспощадный.²⁷¹

²⁶⁵ В оригинале – «ἐκ κερυκίστων». Имеется в виду смотровая корзина, прикрепленная к верху мачты (Хэдли, с. 108-9). В этот момент на Полиместора нисходит дух пророчества, и тон его речи меняется на торжественный. Мы нередко видим у Еврипида, что, когда человека толкают к самой грани переносимого, вдруг всё человеческое спадает с него и он сливается с некоей всезнающей, божественной силой.

²⁶⁶ В оригинале: «ἐνθάδ'», что значит как «здесь», так и «в этом состоянии, положении». Хэдли предпочитает это значение (Хэдли, с. 109). Мне кажется, что это лучшая интерпретация, потому что в любом случае Гекуба «здесь» жить не сможет, будучи рабой Агамемнона, который возвращается в Элладу. Два варианта перевода. Первый, без слова «рабой»: «Должна я умереть иль этак жизнь влачить?» Второй, с сохранением первого значения слова «здесь»: «Должна я умереть иль в этом месте жить?» Читателю предлагается выбрать тот вариант, который ему больше нравится.

²⁶⁷ Слово «злополучный» перенесено сюда из следующей реплики Полиместора, говорящего, что могила Гекубы будет называться «κυνὸς ταλαίνης σῆμα», т.е. «насыпью злополучной собаки». Слово «злополучный», кажется, характеризует Гекубу, а не является частью названия, иначе название стало бы слишком длинным и неудобнопроизносимым. Мыс тоже называется «Киноссема» («κυνὸς σῆμα»), т.е. слово «злополучный» в названии отсутствует. Интересно, что ни Ковач, ни Анненский это слово не переводят, считая его лишним. Ковач: «Hound's Grave». Анненский: «Курганом псицы». Грегори считает значение этого слова «неопределённым» («ambiguous») (Грегори, с. 194).

²⁶⁸ Грегори (с. 194): «Киноссемой называется треугольный мыс, выступающий из фракийского Херсонеса в Геллеспонт, создавая проход, опасный для мореходства из-за плохой видимости». См. также «Географию» Страбона (Στράβων; ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.; греческий историк и географ): «Плаваая вдоль берегов Херсонеса, после Элеунта подходим сначала ко входу в Пропонтиду через узкий пролив, который называется началом Геллеспонта. Здесь находится мыс Кинос-Сема, хотя некоторые называют его Гекабес-Сема; действительно, после того как обогнёшь мыс, показывают её [Гекубы – В.] могилу. (7.55. Пер. Г.А. Стратановского).

²⁶⁹ Кассандра погибнет вместе с Агамемноном в Микенах, от рук царицы Клитемнестры и её любовника Эгисфа.

²⁷⁰ Указывает на Агамемнона.

²⁷¹ В оригинале: «οἰκοφύροδς πικρά», т.е. «угрюмый страж дома». Анненский так и переводит: «угрюмый страж». Однако Хэдли (с. 109) пишет, что эта фраза означает «страж дома, на горе ему». Это значит, что Агамемнон, уехав осаждать Трою, оставил Клитемнестру единоличной хозяйкой дома, что привело к трагичным для всех последствиям. Мне кажется, это имеет гораздо больший смысл, чем называть

Гек. Не смей, безумие, на Тиндариду²⁷² пасть!
 Пол. Убьёт и этого, воздев над ним секиру.
 Аг. Ты что, с ума сошёл? Бед новых захотел?
 Пол. Рази! Кривавую тебя ждёт Аргос ванной!²⁷³
 Аг. Эй, слуги! Оттащить его отсюда прочь!
 Пол. Что, больно слушать-то? Аг. И рот ему зажмите!²⁷⁴
 Пол. Пусть так! Я всё сказал. Аг. Отправьте поскорей
 куда-нибудь его, на остров попустынной,
 за то, что дерзостей он тут наговорил.
 Гекуба бедная, ступай, своих двух мёртвых
 детей похорони. А вы, троянки, марш
 в хозяйские шатры. Уже, я вижу, ветер
 попутный поднялся, и нам пора домой.
 Удачно бы доплыть! В порядке дом увидеть²⁷⁵
 героям, выжившим среди таких трудов!

Хор Ну, в шатры и на пристань, подруги!
 Испытаем обузу неволи,
 ведь безжалостна необходимость.²⁷⁶

17.04–15.10.2015, Брисбен.

Клитемнесту «угрюмой» или «суровой». Впрочем, вот вариант и с таким значением: «супружница его, жилища страж угрюмый (суровый)».

²⁷² На Клитемнестру, дочь Тиндарея. Хэдли (с. 110): «Безумие другой Тиндариды, Елены, явилось причиной войны и всех её несчастий».

²⁷³ Агамемнон был убит во время купания. Интересно, что, ослеплённый своим триумфом, он совершенно забыл о пророчестве Полиместора, пренебрёг предупреждениями Кассандры и не предпринял ничего, чтобы предотвратить свою гибель. Это вообще свойственно трагическим героям – их увлекает поток роковых событий, которому ничего не может помешать.

²⁷⁴ Агамемноном движет не столько раздражение, сколько страх. Он пытается помешать Полиместору накликав на него ещё больше бед.

²⁷⁵ Хэдли (с. 110): «Заметьте иронию этих строк». Возвращение греков будет весьма тяжёлым. Очень многие из них погибнут. Многие, наскитавшись по морям, вернутся на родину нищими. Агамемнон приедет не домой, но в смертельную засаду.

²⁷⁶ В оригинале слово «ἀνάγκη», которое часто переводится как «судьба», «рок» и т.п. Однако главное значение этого слова – «необходимость». Для своей «Алкесты» Еврипид даже сочинил гимн Необходимости. Хотя «ἀνάγκη» можно в определённом контексте переводить как «судьба» и проч., всё-таки судьба и необходимость – не одно и то же. Многие древние греки верили, что существует некая сила, которая движет мирозданием не потому, что так предопределено, а потому, что по-иному быть не может. Судьба есть некое предопределение, а необходимость – некая извечная данность. Эти понятия во многом сходятся, однако их, на мой взгляд, нельзя считать идентичными. Впрочем, тем, кто со мной не согласен, предлагается следующий вариант перевода: «ведь не знает судьба милосердия».